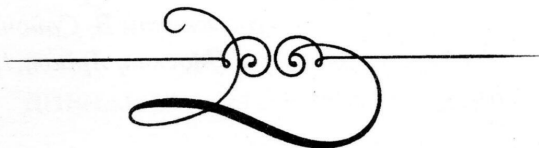

Юрий Базуев

Третьих
откровения

НОВЕЛЛЫ

Алматы – 2017

18+

Юрий Андреевич Бацуев

Триптих откровения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68970633

SelfPub; 2023

Аннотация

«Триптих откровения» – это три наиболее ярких новеллы исповедального характера из книги «Покаяние агнца». Знакомясь с ними, невольно задаёшься вопросом, а стоило ли открывать завесу в столь сокровенные и, казалось бы, не приемлемые для всеобщего обозрения, стороны жизни. Безусловно, «триптих» полемичен, и в этом его интригующее своеобразие.

Содержание

САШКА «ПИРИНСКИЙ»	4
ПОКАЯНИЕ АГНЦА	34
ДИВНАЯ ЕВА И ОТРОК АДАМ	68
Рассказ Лины	87
ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ	134

Юрий Бацуев

Триптих откровения

САШКА «ПИРИНСКИЙ»

Сашка и я начинали работу в одной экспедиции. Мы оба попали туда по направлениям после окончания техникумов. Он учился в Старом Осколе, а я в Иркутске. В Казахстане разворачивались широкомасштабные геологические исследования недр, поэтому геологи направлялись туда со всего союза.

Экспедиция располагалась на берегу реки в 60-ти километрах от столицы в бойком рыболовецком посёлке. Два вокзала – речной и железнодорожный – собирали по вечерам в своих буфетах любителей бочкового жигулевского пива. С появлением геологов посёлок заметно повеселел. Особенное оживление было в конце каждого месяца, когда геологи съезжались с отчётами о проделанной работе. Тогда, освободившись от дел, молодёжь собиралась обычно в буфете железнодорожного вокзала, сдвигались столы, и начинался кутёж. Пиво пили на спор, кто больше опорожнит кружек. При этом все громко разговаривали и горланили под гитару песни.

Вообще-то Сашкина фамилия была Веприцкий. Возмож-

но, его предки охотились за вепрями, дикими кабанями, а может, внешне чем-то смахивали на них, только к Сашке это не имело ни какого отношения. Здесь же коллеги-приятели называли его Пиринским из-за того, что курил он не папиросы «Беломор», как другие, а болгарские сигареты «Пирин». Сигареты только входили в моду и были без фильтра, а так как Сашка курил их очень много, пальцы рук его были покрыты налётом никотина. Что же касалось его внешности, то если топор-колун поставить на топорище, то профиль его будет напоминать силуэт Пиринского. Он был худощав, слегка сутулый, и голова его, немного сплюснутая с боков, заострялась к носу, напоминая колун. Оловянные глаза на фоне пергаментно-желтоватого лица сквозь светлые ресницы таили насмешку. Здешние парни, особенно длинноволосые, ходили без головных уборов, Сашка же стригся почти наголо под бокс и носил кепку, напоминающую опрокинутую лодку-плоскодонку. Мы с Сашкой сдружились и при встречах были предельно откровенны: рассказывали друг другу о прошлом и делились новыми впечатлениями. Поэтому, когда я вернулся из отпуска (я ездил к матушке в Чимкент), увидев меня, Сашка оказался рядом: – Привет, Юрец, – именно так он предпочёл меня называть, – как добирался: поездом или автобусом? – спросил он и тут же оговорился: – Впрочем, это потом. А сейчас, по сути: ты Гука видел? Он тебе ничего не говорил? – Да, мы пересекались, – ответил я, – но разговора не было.

Гук – это начальник экспедиции Гуков Дмитрий Николаевич. Личность весьма оригинальная. Будучи постоянно в тубетейке и тёмной рубашке, с засученными рукавами, он смотрел на всех голубовато-стальным взглядом и производил странное впечатление. Во-первых, не поймёшь, какой он был национальности: похоже, дагестанец, хотя имя и фамилия русские. Женат был на казашке, у которой три дочери – все не его. Поговаривали, что он где-то на золотых приисках отбывал срок (правда, кто тогда из образованных людей не побывал в лагерях?). Во-вторых, на базе была отдельная пристройка к бане специально для него, так как он весь был в татуировках и скрывал это от любопытствующих взоров.

Я помню, как в первый раз после окончания техникума, зашёл к нему в кабинет с направлением в экспедицию. Он меня, ещё «зелёного салагу», встретил как министра: назвал по имени-отчеству, вывел из кабинета – показывает кухню, где мне надлежит питаться, поясняет, как пройти к общежитию, где буду жить. Да так помпезно и важно, наверное, посмеивался про себя.

Потом, когда я уже побывал в поле на буровой, вызывает и спрашивает: – А как там старший мастер пьёт или нет? – я опешил: – А вот это, говорю, не ко мне вопрос. А он: – ну, значит, пьёт!.. Так из меня «сделал» стукача. Старший мастер при встрече обиженно мне выговорил: – Ты зачем сказал про меня, что пью? Я возмутился: – Я вообще считаю ниже своего достоинства говорить про такие дела, это он на

пушку вас взял. Интриган был Дмитрий Николаевич. Во всех отрядах у него были осведомители.

А когда я был у матушки в Чимкенте, то отправил на имя Сашки телеграмму: «Рубите лес, приеду через неделю». Гуков, видимо, всю почту просматривал. Вызывает Пиринского, протягивает телеграмму и спрашивает: – Какой лес рубить будете?.. А улица в посёлке называлась Казлесская, на ней и стояла наша экспедиция. Леса там никакого не было, и даже непонятно почему появилось такое название улицы. Кругом была степь, и лишь прибрежный кустарник окаймлял реку. Пиринский, прочитав телеграмму, расхохотался и говорит: – Это у нас поговорка такая – «Рубите лес, мы будем сплавливать его англичанам!». Гуков, пожав плечами, отпустил его.

– Странно, и Гук тебе ничего не сказал? – удивился Сашка, – что-то не похоже на него. – Да нет, ничего не сказал, – повторил я, – лишь как-то загадочно поглядел.

А вечером мы, как всегда, уже сидели в привокзальном буфете, и Сашка доверительно докладывал мне, что с ним произошло в моё отсутствие:

«Буквально в тот день, как ты уехал, – говорил он, дымя сигаретой, – было уже темно, когда все наши разошлись из кабака, остались только мы с Димкой Хышовым (ты его знаешь – сменный буровой мастер из Семипалатинского техникума), он тогда стал победителем – больше всех выпил пива. Рядом с нами за столом оказался какой-то незнакомый му-

жик. Мы были поддатые, но не настолько, чтобы сосредоточиться на том, каким образом расходиться по домам. Разговорились. Мужик, размахивая руками (он был высок и долговяз и потому руки его при движении шибко выделялись), говорил: – А приехал я сюда к женщине, которую мне рекомендовали знающие люди. Беда моя в том, что у меня половой орган не в меру большой. Не смейтесь – вам смех, а мне горе, – ни одна баба его не выдерживает, уходит. К счастью, здесь мне нашли как раз ту, которая необходима. К тому же, и пятки, говорят, у неё потресканы, и сама она крепка собой. – А причём здесь пятки? – удивились мы. – При том, что у таких женщин ..зда, как поётся в песне. «широка, и глубока». В общем, мне посоветовали приехать сюда. Дождусь утра, и пойду к ней, желанной и долгожданной.

– Ну, дядя, ты так говоришь, что прямо любопытно стало, – заинтересовались мы.

– Не верите? Могу и показать! – решительно отозвался он. – Хотите удостовериться, убедиться? Идёмте.

Мы поднялись из-за стола и направились за ним. Выйдя наружу, он подвёл нас к окнам вокзала, освящённым изнутри. Благо, вокзал наш небольшой и окна встроены низко над землёй.

Тут он расстегнул портки и вытащил своё сокровище. Мы не то чтобы очумели от размеров его причиндала, но сдержанно, чтоб не обидеть, проявили не очень бурное изумление.

– Это сейчас он такой, – заговорил, возбуждаясь, мужик, – а как встанет – это же Сила!

На слове «сила» он сделал особое ударение.

Собственно, на этом наши «смотрины» и общение с ним завершились. Мужик застегнул штаны и пошёл в здание вокзала дожидаться утра, чтобы «осчастливить» при встрече свою новую зазнобу, а заодно и устроить свою бесприютную жизнь.

Вслед за ним и Димка Хышов ушёл к поварихе Аньке, которая, как и он, приехала из бурового отряда на побудку...

Я остался один, в общагу идти не хотелось. Некоторое время находился в состоянии замешательства, что предпринять дальше. И тут на слабо освещённой привокзальной площади вырисовался движущийся силуэт сухопарой женщины. Не долго думая, находясь ещё под парами выпитого пива, я решительно направился в сторону незнакомки. – Простите, уважаемая, – обратился я к ней, – не могли бы вы познакомиться меня с какой-нибудь девушкой, ведь вы местная, не так ли?.. – Что, сильно охота? – резко отозвалась женщина, а потом, уже более миролюбиво, добавила с усмешкой: – Приспичило, что ли?

– Это точно. Так оно и есть, – выдохнул я. Завязался диалог:

– Девушку подавай ему, а старуху не хочешь?

– Старуху? – насторожился я. – А ты что, старуха? И тоже не против?

– Да, – чуть слышно произнесла она.

– А где? – уцепился за идею я.

– Да хоть бы здесь, – указала она на уличный сортир.

– Нет, в туалете не годится! – решительно возразил я.

– Тогда иди за мной...

И я пошёл за ней через кусты в привокзальную темень.

– Здесь можно, – сказала она, уверенно скинула куртку и постелила прямо на землю пустыря в небольшом углублении. Дрожа от возбуждения, я быстро оголился и молча утолил своё утробное желание...

С утра следующего дня полевые геологи разъехались по отрядам. Я тоже отбыл на буровую вышку, где в обычном порядке замерил необходимые параметры проходки скважины, описал поднятую из недр породу, отобрал пробы воды и грунта и, заполнив журналы, привёл в порядок документацию.

...И вот я, освободившись от дел, уже лежу «на груди» у цветущей и благоухающей степи, сплошь покрытой алыми маками. Подо мной бархат нежной зелёной травки, а в безоблачном синем небе жаворонок. Он завис высоко надо мной, трепеща крылышками, и поёт, захлёбываясь собственной песней. Я замер, хотя сердце моё колотилось сильно. Кругом маки, палатки и я среди этой благодати, с задранной вверх головой. Большого ощущения счастья я ещё не испытывал...

Нахлынули воспоминания. Ведь я ещё вчера встречался с

таинственной женщиной. И не только встречался, но и был близок с ней. Хотя, что я могу сказать о сухопарой старушке, явившейся в ночной полутьме? Будто ничего и не было, и это не я на привокзальном пустыре усладил свою страсть. Я даже не обнял её, не ощутил, какая стать, какое у неё тело, какие руки, не заглянул в глаза. Мне стало грустно, ведь я молод и жажду любви, а сам, вот, к примеру, сейчас, когда её нет уже рядом, не могу даже представить её. Всё так нелепо произошло...

И я твёрдо решил, ещё раз встретиться с ней, чтобы воскресить её в своём воображении, закрепить и оставить хотя бы в памяти образ её, как оставляли след в сознании моём другие девушки...

А недели через две меня совершенно неожиданно по рации вызвали из полевого отряда на базу экспедиции, и я был несказанно этому рад. Во-первых, дело было пустяковое – срочно понадобились образцы пород и пробы воды, накопившиеся на буровой, для отправки их в центральную лабораторию. А во-вторых, появилась возможность встретиться с теперь уже близкой мне незнакомкой.

С образцами и пробами по прибытии на базу я разделался быстро, передав их по описи должностному лицу из лаборатории, а, завершив дела, еле дотерпел до вечера, чтобы пойти на вокзал. Наконец, стемнело, и я направился к торговым рядам, расположенным вдоль железнодорожных путей, где местные жители в ожидании пассажиров с проходящих

поездов торговали, чем могли: варёной кукурузой, ещё тёплыми мантами, приготовленными на пару, копчёным и вяленным лещом и всеми любимой маринкой, а также овощами и фруктами. Взгляд мой сразу выдернул её из общей массы торговок. Перед ней возвышалась небольшая пирамида арбузов. Сердцевина одного из них, вскрытая ножом, демонстрировала ярко-красное сочное содержимое плода. Я подошёл и тихо поздоровался. Её худощавое лицо со следами морщинок не выдало изумления, только в раскосых глазах мелькнула искорка. Она кивнула мне. «Долго ещё будешь здесь?» – чуть слышно спросил я. «Подожди в сторонке, я сейчас, только избавлюсь от этого».

Проходной поезд тронулся. Базар заканчивался, торговки стали расходиться, моя приятельница отвезла куда-то арбузы, подала мне знак следовать за ней, и я пошёл.

Как и две недели назад передо мной семеняла сухопарая женщина, уводя меня за пределы вокзала. Верхняя одежда её, состоящая из длинной юбки, куртки и повязанного на голове платка, в ночном полумраке казалась одинаково тёмной. Вышли мы на тот самый пустырь, где были прежде. Как и тогда, женщина скинула куртку и постелила её на землю в знакомом нам углублении. Легла и, приподняв подол юбки, обнажилась до пояса. Затем подготовила доступ к своему таинству, предварительно поплевав на пальцы рук и разгладив ими, поросль волос, сгустившихся в интимном месте. Я не заставил себя долго ждать и, дрожа от нетерпения, вошёл

в неё. Поспешно утолив страсть, я стал, было, подниматься, но вдруг вспомнил, как еще недавно в цветущей степи под трели жаворонка твёрдо решил при новой встрече познать свою незнакомку ближе, хотел почувствовать её трепет и запечатлеть подробнее в памяти нашу с ней близость. Я снова наклонился к ней, и мои руки вдруг ощутили... не полные энергии и страсти женские бёдра, очаровавшие меня тогда в моём воображении, а два упругих округлённых предмета, похожих на ветви гладкоствольного дерева. Эти тонкие теперь уже её бёдра в месте их смежения показались мне безжизненными и даже холодноватыми. А тут она промолвила: «Потыкай меня ещё маленько». Но я, содрогаясь и спешно натягивая штаны, только и смог смущённо пробормотать: «Нет, нет, прости меня, я пойду»...

На этом месте Пиринский сделал длительную паузу. Когда доставал из пачки сигарету, руки его заметно дрожали. Казалось даже, что он стесняется поднять на меня глаза. Я тоже в какой-то степени был ошеломлён, недоумевая, зачем он мне это рассказывает, ведь это такое всё личное, и люди обычно стараются таить в себе. Но, помолчав и справившись с волнением, он продолжил:

« Больше я не ходил на встречу с ней. И лишь однажды, находясь в буфете вокзала среди нашей компании рядом с известной тебе Валеёй Осипенко – выпускницей Казахского горного института, я увидел её, свою недавнюю незнакомку. Она вошла, и мы встретились взглядами. Она чуть заметно

усмехнулась, а я отвёл глаза...

– Только знаешь, Юрец, прошу тебя, не требуй, чтобы я показал тебе её. Пусть моя исповедь останется между нами».

... А осенью того года Пиринского призвали в армию.

* * *

Прошло двадцать пять лет. Я приехал в Москву в учебный центр Министерства геологии. Перед этим я два года работал в Кызылкумах на одном из объектов грандиозного проекта по переброске части стока сибирских рек на юг страны. Аральское море катастрофически мелело и его намечалось спасти за счёт полноводных рек Сибири. Проектные исследования проводились по особой методике, которую ответственные исполнители (а я был одним из них) обязаны были освоить в институте повышения квалификации, чтобы по завершении работ можно было сделать объективный прогноз изменения природных условий.

Учебный центр находился в подмосковном посёлке, расположенном на окраине леса. Научные работники, проживая здесь, вдыхали чистый лесной воздух и в свободное время буквально в нескольких метрах от дома собирали грибы.

Стояла прекрасная сентябрьская погода. Багряные цветы осени – листья – яркими красками освещивали кроны деревьев, а те, что падали вниз, шуршали под ногами, умиротворяя тишину. Вот-вот начнутся заморозки, и тогда опавшие листья в полуденную оттепель будут назойливо липнуть к обуви, напоминая о неотвратном наступлении зимы. Имен-

но в такое время, когда у геологов сворачиваются полевые работы, начинаются занятия в институте повышения квалификации.

В номерах гостиницы курсанты размещалось по три человека. Я был приятно удивлён и рад, что в номере со мной оказался Сергей Червонных – начальник съёмочного отряда из Кызылординской экспедиции. Восемь лет назад, когда я занимался поисками водоисточников термальных и солёных вод на территории Казахстана для определения в них редких элементов, мне довелось непосредственно поработать с Сергеем. Десять дней он сопровождал меня, и мы колесили по Приаральской пустыне, отбирая пробы воды из ранее пробуренных скважин. Песчаные барханы господствовали в царстве безмолвия. И каждый массив песка был серьёзным препятствием на нашем пути. То и дело приходилось выпрыгивать из кузова и лезть с лопатой под осевшие в песок колёса. Редкие поросли саксаула были единственным вспомогательным средством в нашей борьбе с песком. Трудности сблизили нас. С Сергеем легко было работать. Человек дела, он не назойлив и в то же время очень покладист. Помню, надо было попасть в урочище Аккыр, до него было не близкое расстояние. Другой бы хитрил и отговаривался, а Сергей не из таких, если надо – пожалуйста, чего бы это не стоило. А ведь ехали километров сто по пескам и бездорожью практически из-за одной скважины. Нравилась мне в нём смелость в ориентации на совершенно незнакомой местности. Общее

нужное направление в пути и оптимизм – вот его побудители. Раз пятнадцать застревали в песках – научились, в конце концов, выбираться. Жара, ливни и, самое отвратное – гнус, изнуляли нас, но одержимость гнала вперёд...

Прошло два дня занятий, а третий сожитель в номере не появлялся. Мы уже подумали, что будем жить вдвоём, как вдруг в субботу в послеобеденное время буквально вваливается к нам уверенный в себе человек и говорит: «Моё почтение, коллеги! Я буду проживать в этом номере, – а, увидев пустующую кровать у двери, добавил: – это, конечно, моё ложе, ведь я опоздал, а значит, и место моё, как говорится на тюремном жаргоне, у параш!»

Одет наш «коллега» был довольно прилично. На нём была тёмно-коричневая кожаная куртка. По цвету ей была и кепка, тоже кожаная, напоминавшая перевёрнутую плоскодонную лодку. Под махеровым пуловером выделялся кремовый галстук, затянутый на шее не до конца – верхняя пуговица рубашки, казалось, сознательно была расстегнута.

Бросив на кровать саквояж, он произнёс: – Настало время знакомиться, я из Одессы, имя моё Александр...

– Дальше можешь не продолжать, – перебил его я. – Ты – Сашка Веприцкий, не так ли? Я узнал тебя, несмотря на то, что прошло очень даже не мало лет. И видеть тебя безумно рад,

«Коллега» резко развернулся, и его насмешливый взор окинул меня.

– Юрец, ты что ли?! – воскликнул он и шагнул навстречу. Мы обнялись.

– А я, как чувствовал, – продолжил он, – что произойдёт что-то знаменательное, и прихватил с собой бутылку коньяка. Сейчас мы её раскупорим и выпьем за встречу с юностью, – и, доставая из сумки молдавский коньяк, тихо добавил: – Однако, как это было давно?..

– Саша, знакомься, – произнёс я, – это Сергей Червонных, он из Кызылорды. Мы работаем на одном проекте по переброске сибирских рек в Аральское море. Только мой объект простирается на юг от Сыр-Дарьи, а его на север.

– Очень приятно, – ответил Александр, пожал машинально руку Сергею и продолжил мысль: – А, помнишь, Юрец, как мы сдвигали столы в буфете на вокзале, и пили «на спор» жигулёвское пиво?

– Помню, помню, Санёк, как же. И тебя помню как «Пиринского» за пристрастие к болгарским сигаретам. Кстати, как твоё отчество, ведь ты с виду теперь такой солидный?

В самом деле, куда исчезли юношеская худоба и угловатость того парня? Перед нами предстал импозантный интеллигентный мужчина, в голосе которого чувствовалась уверенная интонация. А узнал я его только благодаря своей «памяти на лица».

– Сильвестрович – моё отчество. Только к чему это? Пусть будет так, как было. Ты для меня Юрец, а я для тебя Сашка Пиринский. Хоть так окупёмся в прошлое.

Тут мы с Серёжей вытащили из тумбочки свой не хитрый провиант, и началось застолье...

– Саша, а ведь я тоже служил в армии, – поведал я о себе. – Только тебя призвали сразу, а мне давали отсрочку до тех пор, пока я не женился. А как только это произошло, через два месяца меня, молодожёна, и забрали. Служил в Московском военном округе в танковых войсках. А ты куда попал?

– Я служил в войсках МВД на Украине.

– Надо же? – удивился я, – я-то молил бога, чтобы забрали хоть куда, только не в МВД.

– Это почему же?

– Предвзятость была. Не хотел охранять заключённых: почему-то казалось, что могу там совершить непоправимую оплошность – довериться зеку и залететь по наивной простоте в какую-нибудь страшную историю.

– Да нет, Юрец, особо бояться нечего, если ты контролируешь себя. А потом, я ведь не заключённых конвоировал, а так, на складском объекте в карауле стоял. Служба прошла относительно спокойно. Только тоска была страшная. Ведь мы геологи, сами знаете, люди свободолюбивые. А там эти старшины, да ещё дедовщина. Спасло то, что нас на объекте было мало, и мы сдружились. Поначалу, конечно, было тяжело от унижений, а потом всё нормализовалось. Наверное, просто повезло.

– Ну, и где ты побывал? А то ведь об армии мы можем говорить бесконечно, как никак отдано три года жизни. Я,

например, только о том сожалел, что лучшие годы уходят, а мне хотелось учиться и жить творчески полноценно. Время не имело бы значения, если знать, что тебе отпущено много лет жизни.

– Ну, ты, Юрец, по-прежнему философ. Творчества в армии захотел и полноценной жизни. Стихи-то пишешь? Не оставил свою прихоть юности? Помню, строчки из твоей «Романтики»: Нам говорят: «Долой романтику! –

Вы в грубых сапогах и ватниках.

От пота горького и холода

Не до романтики геологам!»

– Если дальше не знаешь, Саша, могу и напомнить, время у нас теперь есть:

Твердят, мечтою не живущие,

Что все мы грешные, сивушные

И что в любви непостоянные,

И даже хуже – окаянные.

– Помню, помню, – сказал Саша, и продолжил:

Твердят! А у ручья прохладного

Рассвет зари встречает жадно

Лихая девушка раскосая,

На скакуне, летя по росам.

– Надо же, – удивился я. – И всё-таки, где ты служил?

– Сначала проходил службу в Полтаве в петровских казармах, а потом попал в Одессу. На третьем году женился на одесситке, там и остался. После армии работал в ин-

ституте Курортологии и заочно учился в Политехе. Шесть лет ездил в Москву на сессии. Потом трудился в объединении «Южукргеология» – занимался гидрогеологическими и инженерно-геологическими изысканиями. Сейчас работаю в Одесской геологической экспедиции.

– Саша, а на юг, в Казахстан, где начинали работу, не тянуло?

– Сначала было такое чувство, а потом, когда произошло нечто, то про эту вашу Азию и вспоминать не хочу...

Бутылка коньяка опустела. Беседа набирала обороты. На дворе стало темнеть. Сергей Червонных тактично не вмешивался в наш разговор, подав мне знак, он тихо оделся и удалился в магазин.

– Да что ты, Санёк, – изумился я, – неужели ты всё забыл? Я, например, когда был в армии, услышу, бывало, по радио казахскую музыку – сердце разрывается от тоски. Я ведь казахстанец, родился в Устькамане. И наши холмисто-равнинные степи и пустыни, горы и пригорки в душе моей остались навечно.

– Ты, Юрец, другое дело, тем более родился там, а я из России. Тоска, конечно, была, особенно по нашей разгульной жизни, но я же говорю, пока не произошло нечто.

– Да что же там за «нечто» такое, что даже вспоминать нас не хочешь?

– Вы тут не причём. Давай отложим пока этот разговор (и добавил), а помнишь, Юрец, я исповедовался перед тобой

на вокзале?

– Да, Саша, помню.

– Удивительно то, что я эту сухопарую старушку чаще всего в армии вспоминал, воспроизводил детали в памяти, а особо запомнилась её усмешка, когда она вошла в буфет, а я сидел в компании геологов рядом с Валей Осипенко...

Тут вошёл Серёга Червонных. «Вот, – сказал он, – в местном магазине только Кедровая водка, – достал из дипломата три бутылки кедровки, колбасу и сыр. – Придётся перейти с коньяка на неё. Надеюсь, понравится.

Разговор перешёл на общие темы, а когда кедровка была хорошо продегустирована, мы стали более эмоционально выражать радость от неожиданной встречи.

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил,
И все бендюжники вставали,

Когда в пивную он входил, -

затянул Сергей Червонных, а далее и я присоединился,

вторя ему:

Я вам не скажу за всю Одессу -

Вся Одесса очень велика, -

Но, а Молдованка и Перессы

Обожают Костю моряка.

– Юрец, и ты Серёга, – перебил нас Пиринский, – ну, какие Перессы?! Нет в Одессе никаких «Пересс», а есть Пересыпь, производная от сочетаний «сыпать – пересыпать». Все

вы, кацапы, поёте неправильно!

– Ты прав, Саша, давайте отныне петь, как хохлы поют – «Пересыпь». Ведь ты хохол, Саша?

– Нет, Юрец, я ближе к полякам, но проживающим в Белоруссии. Мой отец Сильвестр оттуда, там это имя распространено.

После такого уточнения песню о Косте-одессите мы стали петь в правильном варианте.

А потом вдруг из наших уст понеслась песня Лидии Руслановой:

Очаровательные глазки,

Очаровали вы меня.

В них столько неги, столько ласки,

В них столько страсти и огня.

Эта песня почему-то захватила нас сполна:

Я опущусь на дно морское,

Я вознесусь на небеса.

Тебе отдам я всё земное,

Чтоб только зреть твои глаза.

В этот вечер мы возвращались к этой песне снова и снова.

Пели громко и почти непрерывно: Пусть будет жизнь моя опасной –

Коварств и мук я не боюсь.

Я в этот взор очей прекрасных

Весь без остатка окунусь.

Наутро кто-то из соседских номеров с насмешкой спро-

сил: «Ну, поднялись со дна морского, не утонули?». «Вроде живы, – отшучивались мы, – сейчас посмотрим, осталась кедровка, или всю выпили?» Оказалось, все бутылки были опорожнены, только на дне каждой лежало по три кедровых орешка.

Ехать в центр Москвы не имело смысла, хотя и был воскресный день, так как за окном царила стальная промозглая сырость. Да и желания особого не было, каждый из нас не раз бывал в Москве. А тут такая неожиданная встреча. Сергей Червонных, в угоду нам, сделал ещё ходку в магазин. Кедровка с орешками на дне бутылок пришлась очень кстати.

– Юрец, – говорил мне Пиринский, – ты напомнил мне об Азии и только растревожил душу. Поясняю. Неприязнь к ней навеяна последующими ужасными событиями, которые произошли там со мной. Это то самое «нечто», о котором я обещал тебе рассказать. Исповедаюсь тебе ещё раз, как и когда-то, видно, для того мы и встретились. Слушай, Юрец, да и ты Серёга. Теперь у меня и от тебя нет секретов.

«Всё у меня складывалось нормально. Армия, женитьба и институт, который я окончил заочно, остались позади. Я увлёкся по-настоящему работой. После института Курортологии, перешёл в объединение «Южукргеология» и занимался разведкой подземных вод. Кстати, по этой части я тоже проходил курсы совершенствования, здесь же. Слушал лекции и консультировался у наших известных корифеев Боровского и Язвина. Потом занимался инженерно-геологиче-

скими работами, связанными с Северо-Крымским каналом, а близ Одессы исследовал процессы возникновения оползней. В общем, расширял круг знаний и набирался практического опыта, работая серьёзно и увлечённо. Прошёл путь от техника до руководителя партии, а потом стал заместителем начальника экспедиции. И уже пророчили в начальники. Но... – тут Пиринский сделал длительную паузу, задумался, собираясь с духом, и, наконец, продолжил: – Тогда, в канун дня Советской армии (так совпало) нам выдали приличную премию, и мы, естественно, хорошо отметили эту дату в коллективе. Все начали расходиться, но на меня что-то накатило: на душе было хорошо, а домой идти не хотелось, перед этим слегка повздорили с женой. Вместо дома, я забрёл в привокзальный ресторан. Выпил коньяку, закусил лимоном. Ещё выпил. И в кассе вокзала взял билет в поезд на первый рейс до конечной станции. Определившись в купе, пошёл в ресторан поезда. До закрытия ресторана хорошо нагрузился, вернулся в купе. Проспался и снова засел в ресторане. На конечной станции вышел, и снова взял билет на ближайший рейс до конца. А там опять купе, опять вагон-ресторан, потом сон и так далее. Прошло, наверное, суток пять. Я очнулся уже на лавке привокзального зала ожидания. Около меня стоит милиционер азиатской наружности, спрашивает документы. Лезу в карманы: пусто – нет ни денег, ни документов. Страж порядка ведёт меня в отделение. Там интересуются моими анкетными данными, и я узнаю, что нахожусь в Кир-

гизии в городе Фрунзе. Затем меня отправляют в какой-то распределитель. По моим словесным показаниям делают запросы и ждут официального ответа с места моего проживания и работы. А я всё это время нахожусь под стражей. Прошло двадцать дней после запроса, прежде чем милицейские власти получили требуемые сведения, затем вручают мне на руки билет в общий вагон до Одессы и справку, подобную той, какую выдают заключённым после освобождения. И я, наконец, являюсь домой спустя двадцать восемь дней после памятного дня Советской армии. В семье и на работе, естественно, был переполох. С женой всё обошлось, а на работе сначала вызвали в партбюро (в армии я стал членом партии), влепили строгий выговор с занесением в личное дело и после этого понизили в должности до рядового инженера. Правда, через три месяца почти реабилитировали, сперва перевели в старшие инженеры, а ещё через год доверили партию. С тех пор я очень «не взлюбил» вашу Азию, хотя понимаю, она здесь не причём».

С понедельника мы с утра пошли на занятия, а с трёх часов дня снова оказались в номере, где продолжили осваивать кедровку и вести разговоры на разные темы, в том числе и о моём поэтическом творчестве.

– Печатались где-нибудь твои стихи, Юрец? – спросил неожиданно Сашка, и своим вопросом попал в самое моё болезненное место.

– Печатались, в основном в газетах, преимущественно в

тех, где я в тот момент находился. А когда занимался промышленными водами, то побывал почти во всех областях республики. Там печатались не только стихи, но и статьи и очерки о геологах.

– Как же тебе удавалось сочетать всё это с работой?

– Всё просто. Приезжая на место, я, как правило, арендовал в ближайшей автобазе грузовой автомобиль, необходимый для работы. Для этого надо было оформить бумаги и дожидаться из объединения перечисления денег. Пока не поступят средства, я был свободен. Вот тогда-то от нечего делать я писал и публиковал в местных газетах свои опусы.

– Помню, помню, – вмешался в разговор Сергей Червонных, – в нашей областной газете «Путь Ленина» я встречал твои стихи «Язык камней» и ещё что-то.

– Было такое, – подтвердил я. – Особенно много печаталось на Мангышлаке. Там я побывал почти на всех нефтепромыслах и не только.

– Может, что-нибудь прочтёшь наизусть, Юрец? – попросил Пиринский.

– Не проблема, – ответил я. – Только стихи по-пьянке плохо усваиваются.

– А без пьянки у нас времени для этого не будет. Давай, Юрец, сделаем так – стихи твои будем слушать не «по-пьянке», а вполпьяна, – подвёл итог Александр.

– Само то, – согласился я. – Вот когда мы с Сергеем блуждали по пескам, у меня появилось стихотворение «Живой

песок», прочту главные строки:

Среди безмолвной дикой прелести,

Там, где раздолье и тоска,

Бугристый, грядовой, ячеистый

Лежит живой массив песка.

Дитя воды и ветра буйного

На неподвижность обречён

За то, что нрава был разгульного

И жизнью вольной увлечён.

Из века в век желает страстно он –

Сквозь даль седую и бурьян, -

Счастливым и волной обласканным,

Катиться прямо в океан.

И ветром бурьевым встревожены

Песчинки – верные гонцы

Несут мечты те безнадёжные

С забытых мест во все концы.

– Прямо не песок, а человек, «на неподвижность обречённый за то, что нрава был разгульного и жизнью вольной увлечённый», – пафосно молвил захмелевший Сергей Червонных. – Юра, это ты про нас, геологов, написал, не так ли?

– Про песок, Серёжа, в котором мы вязли на твоей машине. Но, безусловно, хорошо то, что ты это воспринимаешь по-своему. И мне уже самому кажется, что это мы с тобой желаем страстно катиться прямо в океан мечты своей. Спасибо тебе.

Меня понесло, и я заговорил: – А когда я уже на своём объекте работал, то прямо у входа в кашару, где мы жили, написал плакат:

Наш канал – это стройка века,
Человеку на прочность проверка!

Это для шоферов, чтоб уважали своего шефа, то есть меня. Для меня хуже всего было общаться с этой категорией людей. Куда-нибудь самовольно зафитилят на машине – а у меня рация – и три раза в день надо докладывать обо всём на базу. Скрываешь, конечно, а сам дёргаешься. В песках редкие селения и находятся за сорок-пятьдесят километров, всё что угодно может случиться. Я там мало писал, некогда было. Но одно стихотворение прочту, оно повеселее чем прежнее, называется «Три Пери».

В пустыне знойной, близ Арала –
Чуть-чуть южнее горы Карак, -
В тот день палящая стояла
И нестерпимая жара.
И вдруг из-под земли ударил
Искристо-яростный фонтан,
А вместе с ним под дробь литавр
Три девушки явились там.
И зазвенели птичьи трели –
Забыли все о духоте, -
Очаровательные Пери

Кружились в танце на воде.

Тела их гибкие ласкала

Струя, как светлая роса,

И степь мужская трепетала –

Горели цепкие глаза...

Вот так и родилась легенда

О Пери трёх, а быль проста:

Купались девушки-студентки

У водной скважины в песках.

– Кстати, девушки были из Одесского университета, – завершил я своё выступление.

Пиринский молчал, но чувствовалось, что не остался равнодушным.

– Ну, а книжку не думаешь издать? – после паузы спросил он.

– Думать-то можно. Это заветная мечта любого поэта. Пытался я, Санёк, осуществить такую мечту. Сделал подборку стихов, отнёс в издательство, и получил такие рецензии, что мне дурно стало. Особенно от «чёрного рецензента» досталось. Это тот, который тайно, без указания своего имени отзыв делает. Просто я понял, что надо среди этих шелкопёров находиться, там они все заодно, и свежему человеку трудно пробиться.

...Однако в тот раз мы говорили не только обо мне и моих стихах.

Сергей Червонных рассказал, как он когда-то по назойли-

вой просьбе жены, оставил полевые работы и переехал в город; кстати, так не полюбившийся Сане – город Фрунзе. Но не мог больше года пробыть там. Вернулся в полевую экспедицию опять на съёмку в пустынные пески.

– В городе и работа была посильная – в проектном институте, и благоустроенная квартира, – говорил он, – но в свободное время сидеть в доме на четвёртом этаже мне было просто неважготу.

А Веприцкий напомнил, что неоднократно бывал на курсах именно здесь, как только менялся профиль работы:

– Меня здесь многие знают. А некоторые преподаватели знакомы ещё по учёбе в институте, – и добавил: – Да и в этот раз я приехал сюда только для того, чтобы развеяться. Я занимаюсь мелиорацией, для меня это дело знакомо. Это уже второй массив орошения, который я осваиваю.

– Так вот почему ты опоздал на занятия. Двое суток тебя не было здесь. Мы уже думали с Серёгой, что вдвоём будем «прозябать» в номере, – заметил я.

– Прежде всего, когда я приехал в Москву, я заскочил к своим старым друзьям, у которых останавливался во время сессий в институте. Посетил бабу Шуру и деда Ивана – прекрасных старичков с богатой биографией. Старушка необычайно добрая, а дед – участник войны, был в плену, дважды бежал, потом оказался в сталинских лагерях. После освобождения работал на шахтах в Казахстане. Мы с ним хорошо погрелись коньячком. Вот я и задержался. Тем более мне

тут всё известно. И ко мне за прогулы особых претензий не будет.

...Так мы дружески беседовали «под кедровку», иногда и пели, в основном про «очаровательные глазки» и, конечно же, про Костю-моряка, которого обожали на Молдованке и Пересыпе. Теперь уже, на радость Пиринскому, пели только правильно.

На третье утро после нашего совместного проживания мы вышли из номера и, смешавшись с другими курсантами, направились в сторону учебного здания, а когда расселись в аудитории, после первой лекции Сергей Червонных произнёс: «Что-то не видно здесь нашего доблестного одессита. Куда он подевался?» Придя же с занятий в номер, увидели Пиринского, спящим на кушетке. На столе стояла бутылка с недопитой кедровкой.

К вечеру мы, как всегда, возобновили разговоры. У Саши тактично не спрашивали, почему не был на занятиях, думая, что встретил кого-то из знакомых.

С утра снова пошли на занятия все вместе, а вернулись только с Сергеем. Саша, как и прежде, по пути отстал.

Этой ночью после полуночи я сквозь дрёму услышал шаги. Открыв глаза, увидел силуэт движущегося человека, который то и дело ходил от двери к окну и обратно. Не придав значения и укрывшись одеялом с головой, я уснул.

Утром снова выходим на занятия втроём, возвращаемся только с Сергеем. В номере застаём Пиринского со стаканом

кедровки в руке.

– Завтра я еду в Москву, – говорит Саша. – От жены получил телеграмму, надо её встретить.

А ночью под утро опять послышались беспокойные шаги. На этот раз я приподнялся и спросил: – Саша, что с тобой? Тебе плохо?

– Лежи, лежи, Юрец, не тревожься, – глухо произнёс он.

В тот день мы остались с Сергеем вдвоём. Пиринского не было два дня, которые выпадали на субботу и воскресенье. В понедельник встретились с ним на занятиях, куда он прибыл прямо из Москвы.

– Жена остановилась в гостинице, – сказал он, – и я теперь нахожусь при ней. На занятия буду ездить оттуда. «Что ж, – подумали мы, – пусть будет так, как ему лучше».

После занятий он зашёл в номер за кое-какими личными вещами. Мы заметили, что Саша не столь доброжелателен, каким был раньше. Особенно он как-то резко осуждающе

глянул на нас, когда увидел в руках наших стаканы, наполненные всё той же кедровкой. К вечеру он уехал в Москву.

Теперь на занятиях мы видели Сашу предельно серьёзным. В перерывах он рассказывал, что каждый вечер они с женой посещают театры. Уже побывали в Большом, на Таганке и в Современнике. В выходные дни ходят в музеи. Посетили Третьяковку и Пушкинский. Зашли и в дом Достоевского. В общем, ведут праведный образ жизни.

В конце курсов все слушатели защищали рефераты, кото-

рые подготовили в процессе занятий. Но Саша руководителем занятий был выделен особо:

– Сейчас перед вами выступит, – сказал он, – знакомый вам курсант – начальник Одесской гидрогеологической партии Александр Сильвестрович Веприцкий. Он имеет большой опыт проведения инженерно-геологических работ на массивах орошения в пределах Юга Украины. И сейчас расскажет вам о практическом применении методики, которую вы осваивали на наших курсах.

Саша был серьёзен, он заговорил уверенно как специалист, хорошо знающий своё дело. Одет он был безукоризненно, чувствовалась заботливая рука женщины. Только галстук, как и прежде, был подтянут не вплотную к шее, так как верхняя пуговица белой рубашки была расстегнута.

...Курсы закончились. При прощании Саша, имея в виду жену, задумчиво произнёс: «Это она меня вытащила из состояния вседозволенности. И, надо сказать, своевременно. – А потом добавил: – Я рад, коллеги, что пообщался с вами. А ты, Юрец, пиши. Хорошие у тебя стихи. Желаю вам всего доброго, приезжайте в Одессу, увидите, какая там «Пересыпь», а то «перессы, перессы» – обалдели все.

ПОКАЯНИЕ АГНЦА

«Они стояли бледные посреди улицы и держались за руки. Их только что вытащили из подвала, где застукали. Он – немецкий солдат, она – русская.

Я снял чехол с пушки и сделал прямую наводку. Расстрелял артиллерийскими снарядами сначала его, а потом её. Случилось это, когда освобождали Белгород».

Не знаю, зачем и почему мне рассказал об этом отец после десятилетней разлуки, когда я приехал на практику по его вызову из Иркутска, где учился на гидрогеолога.

На Дальнем Востоке я был впервые. И край поразил меня ещё в Заливе Петра Великого, когда катался на лодке в ожидании поезда на Сучан. Сидя за вёслами, я ощутил мелкую водную пыль, которая сыпалась с небес, незаметно увлажняя одежду. Такой микродождь был новинкой. Там, где я жил, были грозы мгновенные и водообильные, а тут – водная пыль. Не знал тогда, что здесь бывают такие ливни, которые мне и не снились.

Там, в краю у моря

В Заливе Петра Великого

В далёком Приморском крае,
Где гуща лесная дикая,
Я мысленно пребываю.
Я в грёзах на самом Востоке
Российского морекрая.
Здесь где-то живут недалёко
Таинственные самураи.
Плыву, как когда-то, на лодке,
Ведомою взмахами вёсел,
Дождинки туманные, лёгкие,
Сыплют с небес белёсых.
Там дальше за окоёмом
Не «тихими» волнами дышит
Большой океан неуёмный,
Насмешником названный «Тихим».
...Мне всё было здесь непривычно –
Я юным тогда был студентом,
И был поражён необычным
Холмистым лесным континентом.

Встретив в Сучане, отец привёз меня в Находку, чтобы заночевать у «своих» – тёще с тестем, а на утро сесть на поезд, идущий в Сергеевку, где находилась экспедиция.

После небольшого застолья нас уложили, как «дорогих гостей» на широком топчане с роскошной пуховой периной. Здесь-то, не придумав ничего лучшего, он и рассказал мне

перед сном о расстреле из пушки двух бедолаг, оказавшихся не в то время и не в том месте. Больше о войне я ничего от него не услышал.

...Последний раз, когда я видел отца, мне было восемь лет. Он приехал в Защиту с новой женой и новорождённым сыном. Ребёнок был грудной, отец поднёс его ко мне со словами: «Смотри, вот твой братик». Это было как-то неожиданно. Ведь у меня уже был брат Шуня. Я оттолкнул ребёнка и замкнулся в себе с огромной обидой на то, что он нас покинул, и теперь кого-то называет моим «братиком»: «Мой брат, вот он рядом со мной, и других мне не надо. Он что вызвал матушку и нас из Белоусовки, чтоб показать «братика» и свою другую жену, которая сейчас скрывается у соседей?..»

...Отец рано познал секреты любовных таинств между мужчиной и женщиной. О таких говорили «первый парень на деревне». Он сочинял и пел тенористым голосом частушки, в которых высмеивал сельчан и их жизнь, а на вечеринках плясал «цыганочку с выходом», и дробно выбивал чечётку. В девушках не испытывал нехватки, потому что сам был тот ещё «хват». Но однажды «положил глаз» на более солидную даму, чем привычные зазнобы. И хотя его «внимание» походило на детскую выходку, он оказался не по-детски настырным. Сидя на дереве, стрелял из трубочки косточками черёмухи, целясь в неё. Подруга возмутилась: «Кто там

стреляет?» «Да это Андрюшка, соседский парнишка преследует меня, не поймёт, сопляк, что не дозрел ещё». Эту женщину звали Татьяной. Она была старше его и уже испытала замужество. Слова её глубоко задели парня. С этого момента он заметно посерьёзнул. Светлый воротник рубахи теперь всегда прикрывал ворот пиджака – так было модно, а сапоги начищены до блеска. На галифе из габардина он потратил немало денег, работая тогда подручным в депо. И Татьяна, видя как из «сопливого» пацана, который год назад стрелял из трубочки черёмухой, получился видный парень, не устояла. А он добился, чего хотел. Вскоре Татьяна, не уследив, забеременела и родила дочку. Андрей уже работал на буровой вышке, часто бывал в отъезде, а в дни отдыха навевывался к ней на правах любовника.

...Но через два года, когда буровая бригада вела разведку на руднике Белоусовка, отец встретил мою матушку, которая была и внешне красива, и по характеру непохожа ни на одну из его подружек. Было в ней какое-то неповторимое своеобразие и одновременно подкупающая наивность. Отец пришёл к родителям и сосватал её. Девушка тогда работала в гостинице рудоуправления. За ней ухаживал шофёр Костя, но «от него сильно пахло бензином», говорила она, и это ей не нравилось. Зато Андрей был «весь из себя» – видный, аккуратный, а главное, уже опытный в обращении с подружками. Ей как раз исполнилось восемнадцать лет, они оформили брак, и она стала его женой.

...А сейчас я танцевал лезгинку, но, по-чеченски: почти не двигался на носках, зато усердно вколачивал свои пятки в землю под выкрики «асса!» Танцевал так, как танцевали её чеченцы, живущие у нас в Белоусовке. Ещё я спел две английские песенки, которые разучивали в школе. Все были уже пьяные, ведь гуляние длилось целых три дня. Мой приезд был только поводом для организации застолья. Там у геологов так принято: была бы только причина собраться.

А отец пел:

Я немало по свету хаживал,
Жил в таёжных безлюдных местах –
И повсюду бурил скважины,
С молотком проходил в руках.
И в пределах седого Урала,
В кишлаках азиатских степей,
Где и ваша нога не ступала,
Там бурил уже недра Андрей.

... «Ну, застали в страстных объятьях немца и русскую женщину в укромном месте, хотя этого делать почему-то было нельзя, даже и при обоюдном согласии, если государства находятся во враждебном противостоянии. А насиловать в военное время можно? Разумеется, нет, хотя это происходит».

Такие мысли теперь постоянно мне приходят на ум. Правда, сейчас это общие рассуждения. Меня же интересует в первую очередь мотив, по которому отец расправился с «преступниками». «Где и ваша нога не ступала, там бурил уже недра Андрей». «Да вот же она разгадка, – подумал я, – так бахвалиться и заявлять о себе, да ещё публично, в лучшем случае – не скромно. Может, и тогда ему захотелось «выпендриться», и он устроил публичную казнь, зная, что всё сойдёт с рук».

...Мы сидели вдвоём с ней на брёвнах – пьяные, и она жаловалась мне на отца. На то, какой он неугомонный бабник: «Не считается даже с тем, чья это жена. Год назад его застал со своей женой лучший друг – сменный мастер Григорий. Помню, пришёл к нам домой и говорит: – Андрей, возьму сейчас топор и отрублю тебе голову прямо здесь на глазах у твоей жены. «А он что?» – спрашиваю. – Сидит и молчит. Ничего не говорит. Сидят друг перед другом, между ними на столе бутылка, и выясняют отношения. «Слушай, Юра, не зови меня Марией Ивановной, зови просто – тётя Маруся». Об этом она всё время в промежутках беседы меня просила...

К Марии Ивановне в экспедиции относились недоверчиво, после того как обнаружили, что вскрывает чужие письма. Она работала почтальоном. Но я понял, почему она это

делала. Тогда на брёвнах она говорила: «Он не только всех баб «огуливает», но и переписывается с теми, с кем раньше имел «шашни». И такой хитрый: делает это через адреса своих рабочих. Одной из них я написала: «На что ты надеешься, оставь его. Неужели ты хочешь стать его четвёртой женой? Зачем тебе это надо, ведь у него семеро детей?» И тут она опять: «Нет, Юра, я прошу тебя, зови меня тётёй Марусей». Тогда мы уже сидели, обнявшись, и целовались, отнюдь не отчуждённо. «Что-то не то, как-то мы не так целуемся», – шевельнулось во мне. Своими губами я даже почувствовал отсутствие бокового зуба на её верхней десне.

Тогда же на срубках осины –
В дни первые, как повстречались, –
Взасос под парами винными
Мы с мачехой целовались.
Из уст между тем в промежутках
Струился поток её жалоб
О том, что отец мой беспутный,
Совсем её не уважает.
О том, что он бабник, изменщик,
Каких только свет не видел,
Пожизненный алиментщик,
Большой ловелас и бесстыдник.

Похоже, она тоже спохватилась, и заговорила вдруг о до-

чери: «Обрати внимание на мою Тамару. Она славная девушка. А вы молодые. Правда, с Андреем она не ладит...»

Не знаю, как мы расстались. Помню, я шёл к дому возбуждённый какой-то новой для себя внутренней дрожью. А на утро Мария Ивановна прикладывала к голове холодные компрессы и нюхала нашатырный спирт.

...Через три недели с Чукотки прибыла сестра отца, моя тётя Вера, с мужем и сыном. Перед этим Мария Ивановна в спешке уехала в Находку к своим родителям, где мы с отцом ночевали. Оказывается, исчезла она неспроста, потому что опасалась встречи с Верой. Этому была причина. Когда отец работал тоже на Чукотке, она пыталась, а может, и совратила Петра – мужа Веры. Могла произойти неприятная скандальная встреча.

Обычно мы сидели за столом втроём – отец, Пётр и я – и распивали всё, что хотелось (коньяк, шампанское, водку и прочее), разумеется, за счёт отпускников.

– Надо купить телёнка, – говорил Пётр, – заколоть, и поесть свежего мяса. Так и сделали. На Чукотке такого мяса не было.

Однажды засиделись допоздна, вдруг слышим тревожные крики о помощи. Это кричала Вера. Постель гостям стелили на чердаке. Пётр бросился по лестнице туда. Испуганная Вера возбуждённо рассказала, как кто-то только что залез наверх, и стал пробираться к постели, где она спала с сыном Вадиком. Пётр вмиг спустился и кинулся в клуб, кото-

рый находился напротив. И через некоторое время вернулся с «ночным гостем».

Им оказался матрос из воинской части, а приходил он к Тамаре – дочери Марии Ивановны, зная, где та спит по ночам. На этот раз она была с матерью в Находке, и матрос нарвался на Веру. За столом он сообщил, что девушка давно ему нравится. «Ну, если имеешь серьёзные намерения, – сказал отец, – то можно на первых порах оказать вам помощь». Однако «серьёзные намерения» осуществились у другого ранее демобилизовавшегося матроса.

Сразу после отъезда гостей мы получили известие о том, что Тамара выходит замуж и просит прибыть в Находку, где состоится бракосочетание. Мы поехали на свадьбу. Суженый Тамары мне понравился. Он даже подарил мне импортную зажигалку. Вскоре новоиспечённый муж увёз Тамару к себе на родину в Новосибирск. А мне довелось побывать в воинской части, где служил тот самый матросик, который лазил на чердак нашего дома.

Поначалу в экспедиции меня зачислили дублёром, то есть работником без зарплаты. Я ездил с отцом, знакомился с буровыми работами. А тут в воинской части задумали построить баню, и надо было решить проблему обеспечения её водой. Обратились в экспедицию с просьбой направить специалиста. Старший геолог, вспомнив, что я учусь на гидрогеолога, направил меня в часть. Так я попал в расположение матросов, где был поставлен на довольствие в пожарную

команду и, по моему желанию, стал жить в казарме. Военская часть представляла собой подразделение морской пехоты. Все здесь были одеты в морскую форму, хотя в море не бывали. Когда я подружился с матросами, помню, посмеивался над тем, что они, небось, девчонкам своим, высылая фотки, пишут: «Прости, любимая, за долгое молчание, но я не мог иначе, так как находился в плаванье». В общем, смеялись. Но и они, словно в отместку, подтрунивали над тем, что мне было далеко не безразлично. Оказалось, что девочку Тамару – дочь Марии Ивановны здесь хорошо знают, а ведь она приходилась мне сводной сестрой. Тамаре шестнадцать лет. Она симпатичная девушка, но, наверное, была представлена сама себе, и вместо того, чтобы усердно заниматься уроками, хорошо подружилась с матросами воинской части.

Потом, словно вдруг спохватившись,
Мне дочку свою предлагала,
Которая с ранних лет стала
Подругой морских пехотинцев.

После обследования территории было установлено, что подземная вода собирается в трещинных породах, находится неглубоко от поверхности, и добывать её можно без особого труда. Достаточно сделать в ложбине водоём, для чего можно взорвать две-три бомбы, расчистить воронку и запрудить русло. Водоём будет заполняться за счёт притока подземных

вод, а далее вода по трубе самотёком будет доставляться в баню. Об этом я доложил интенданту. На том и завершилось моё знакомство с морской пехотой.

Вскоре мне поручили документировать канавы. Велась предварительная разведка на уголь. Отцовская скважина бурилась на вершине сопки, а по склонам рабочие копали канавы, вскрывая угольные пласты. Я шёл по заросшему деревьями и кустарником склону от одной канавы к другой. Вдруг в стороне слева раздался треск и шум от падения чего-то тяжёлого. Спрашиваю у землекопа: – Что это может быть, что-то шарахнулось, когда я подходил сюда? – А это Мишка-медведь шалит, – ответил тот. – Как это «шалит»? И ты не боишься? – удивился я. – А чего мне бояться? Снизу кайлой полосну его, и только. «Ты-то «полоснёшь», – не на шутку встревожился я, направляясь к следующей канаве, – а мне-то что делать, и как защищаться?..»

В лесах виноград и лианы,
И красные грозди женьшеня.
Грибные повсюду поляны,
А речки от раков кишки.
Там в зарослях тигры и вепри,
Медведи и прочие звери.
Там «зыркают» рыси свирепо,
Следя за добычей с деревьев.

Кроме основных работ по разведке залежей угля, экспедиция занималась поисками вулканических пород под названием перлит. Иногда старший геолог Подолян брал меня с собой в маршруты. В тот раз, кроме меня, его сопровождали две студентки из Дальневосточного института. Продвигаться приходилось буквально по руслам ручьёв, потому что на пути были густые заросли. Запомнился маршрут скорее борьбой с клещами, чем описанием горных обнажений. Клещей было великое множество. Мы снимали их с одежды друг друга, помещали на плоскую поверхность одного геологического молотка, а другим били. Запомнилось и другое. Возвращаясь с объекта, одна из девушек у обочины тропы подняла обломок со следами оруденения и показала Подоляну. «Молибденит», – сказал он, и отметил место обнаружения обломка на карте. «Надо будет провести здесь поисковые маршруты», – добавил он. И вскоре сюда была направлена женщина-геолог. Звали её Валентина Алексеевна. Я же понял, как удивительно просто начинаются порой серьёзные работы по выявлению полезных ископаемых, стоит только найти обломок.

С тех пор мы уже с ней ходили в маршруты. И однажды попали в такой ливень, что за несколько минут промокли до нитки. Тогда-то я и вспомнил «дождичек», который мелкой водной пылью осыпал меня в Заливе Петра Великого. Оказывается, то были лишь «цветочки» морского климата. К счастью, мы наткнулись на заброшенный скит, и по ини-

циативе моей опытной спутницы, там, отвернувшись друг от друга, отжимали одежду. А когда ливень закончился, продолжили путь.

Ходить приходилось в маршруты
Ручьями сквозь заросли бродом –
Искали мы ценные руды,
В пути, изучая породы.
Одетые в «энцефалитки»,
Клещей мы друг с друга снимали,
И гнусные злые москиты
Назойливо нас донимали.
Однажды попали под ливень –
Промокли до самой макушки.
Потом отжимались стыдливо
Со спутницей в дикой избушке.

Валентина Алексеевна была в разводе с мужем. Ей было лет тридцать. После маршрута с ливнем мы подружились, и по вечерам в клубе геологов танцевали вальс. Как-то после танцев я проводил её до дому. Она жила в коммунальной комнате одного из барачков и предложила зайти к ней. За ничего незначущими разговорами попили чаю, и я, чтобы не беспокоить соседей, перелез через окно. На прощание взял в ладони её руку и сказал: «Валентина Алексеевна, а вот когда Жульен держал руку госпожи де Реналь (это я вспомнил

Стендаля), она ощутила трепет». Валентина Алексеевна мило улыбнулась, заглянула мне в глаза и сказала: – Юрочка, да от моего «трепета» растёт шестилетняя дочка. Она сейчас у мамы, и я думаю, поскорей бы её забрать сюда ко мне...

Пришло время, и уже я ощутил «свой трепет», который случился в родной Белоусовке.

...Мы познакомились с ней в парке на танцплощадке. А на следующий день встретились в центре около клуба. Я предложил прогуляться.

– Куда же мы пойдём? – спросила она.

– Да хоть куда. Можно по этой дороге, она ведёт сначала к сопке, потом огибает её.

И мы пошли. Я, как мог, развлекал её разговорами о достопримечательностях нашего посёлка, а сам между тем поглядывал на неё с боку, и чувствовал, что меня невероятно влечёт к спутнице. От этого всё окружающее воспринималось с ореолом восхищения. Она доверчиво слушала, и в её больших голубых глазах порой вспыхивал живой интерес, тогда она с любопытством бросала взгляд на меня. Светлые волосы свисали с её плеч, а изящная фигурка скрывалась под тонкой летней одеждой.

Перейдя по мостику речку, мы вышли на окраину посёлка. День был тёплый и солнечный. Мы свернули с дороги и направились к одному из стогов сена.

«Боже мой, как хорошо мне с этой девушкой, – думал я, –

и как меня влечёт к ней всё сильнее и сильнее». Мечта моя, земная и желанная – именно тогда зародилась поэтическая строчка, потому что до этого я ещё не испытывал такого радостного волнения...

К стогу мы приблизились, держась за руки, и расположились в тенёчке. Я расстегнул пуговицы своей рубахи. Она распахнула кофту. Я поцеловал её сначала в щёчку, затем в губы. Потом прижался устами к её светлым волосам. Она скинула сначала кофту, а затем юбку и всё остальное. Я, совершенно ошалевший, смотрел на неё восторженными глазами и испытывал трепетную радость от её чудной красоты.

Она лежала передо мной, моя божественная Фея, обнажённая и очаровательно-красивая. Очертание тела её напоминало гитару. Линия плеч сужалась к талии. А затем расширялась в бёдрах. Хотя (что я говорю?) всё было наоборот: это гитара сделана мастерами-умельцами по подобию женщины, чтобы не только исторгала как инструмент сладкозвучные мелодии, но и напоминала о самом чудесном существе на земле. Бесспорно то, что формы женщины Господь ваял такими, какими они должны были радовать взор и услаждать душу...

Я опустился перед ней на колени и, как дитя, толкаясь лицом в грудь, стал целовать эти девственные бугорки, телесные холмики, которые допустили меня к себе. Она была нежна и податлива. Её широко распахнутые глаза выплёскивали небесный свет, а руки тянулись навстречу мне...

До этого поцелуи мои с девушками были скорее символическими, чем страстными, а отношения чисто платонические. А сейчас, целуя сначала холмики груди и ложбинку между ними, мои губы бессознательно приближались к талии. При этом руки, обвив стан, нежными движениями осязали овалы её бёдер. На миг, чтобы восстановить дыхание, я приподнялся, и мой взор проник туда, где сгусток шелковистых палевого цвета волосиков прикрывал сокровенное лоно. И тут она резко притянула меня, побудив войти в себя. И я вошёл, вернее, «провалился», не чувствуя преграды. «Что-то не так, – мелькнуло в сознании, – я должен был не упасть в пропасть вожеления, а прорваться в лоно любви сквозь естественную препону, чтобы навеки стать преданным воздыхателем и единственным возлюбленным своей божественной Феи». И вместо того, чтобы раствориться в ней и насладиться соитием, постигая тайны любви, как это делают все люди, и не только они, но и всё живое на свете, я, вырвавшись из объятий, вскочил на ноги и стал лихорадочно натягивать на себя одежду. «Как же это? – недоумевал я, – та ли ты, божественная Фея, с которой я готов был пройти по жизни, или всё это пригрезилось мне?..» Я оторопел, беспомощно озираясь по сторонам. И она, только что мной обласканная Фея, всё поняла, поняла моё разочарование, и заплакала. Едва прикрыв тело платьем, она рыдала без слов оправдания...

Откуда-то взялся и остановился у нашего стога объездчик. Сидя на коне, он молчаливо уставился на нас. Я резко

сделал ему рукой знак, чтобы он удалился. «У вас всё тут в порядке?» – спросил он. «Иди, иди», – тихо сказал я. И он медленно поехал восвояси. А потом и мы, уже не глядя друг другу в глаза, пошли назад туда, откуда начали свою романтическую прогулку....

На другой день, увидев меня, идущего от парка к клубу, она радостная кинулась навстречу с распростёртыми руками. «Отчего такая радость?» – подумал я, – ведь чувства раздельны: твои и мои – вырвалась в сознании строчка, которая непременно когда-нибудь займёт место в моих стихах.

И я встретил её сдержанно, не раскрыв рук для объятий. Это была обида невинного «чистого» мальчика за обманутые надежды. Хотя, какой «обман», и какие «надежды»? Ведь мы были едва знакомы.

Не помню даже, как мы расстались, но расстались навсегда. Мне было неполных восемнадцать лет, а ей чуть больше. Да, это была Любовь невинного Агнца.

Остался я девственником, или уже нет, трудно было понять, но что-то во мне изменилось: безудержное очарование девушками исчезло, взамен появилась некоторая сдержанность и «философская» рассудительность. А так как я уже никогда не мог не думать о нелепом поступке отца в дни войны, то и своё внутреннее перевоплощение тоже связывал с этим.

«А разве я не уподобился отцу, отвергнув девушку, бегущую навстречу мне с распростёртыми руками после «роман-

тической» прогулки? – думал я. – И, может, если бы представился случай, то и я «расправился» бы с той, которая до меня отдалась другому?»

Теперь мне казалось, что какая-то есть аналогия между двумя событиями: «смертельной» – фронтовой и «романтической» – мирной.

...Отец до войны и в самом её начале бурил скважины, имея бронь от призыва в армию. Но с января 1942-го и до осени победного 1945-го года находился на фронте.

Мой брат Шуня собирал около клуба разноцветные стёклышки, когда отец подошёл и спросил: «Ты кто – Шурик или Юрик?» «Шурик», – ответил он. «А я твой папа, вот вернулся с войны. Здравствуй, сынок».

Но «папа» не долго пробыл с нами. Весь в медалях и орденах он был нарасхват, и вскоре оказался в объятьях другой женщины, которая давно его поджидала, живя по соседству с «бабкой Рипкой» – матерью отца.

Когда он воевал, матушка два раза в год пешком с нами навещала его мать – бабку Рипку. «Рипкой» её звали мы – внучата. На самом деле её имя было «Агриппина». Мы жили на руднике в шестнадцати километрах от Защиты. Чаще всего матушка нас отводила к бабушке, а сама «обудёнком», то есть в тот же день, возвращалась домой, так как надо было выходить на смену в шахту, где она работала камеронщицей.

...Мария Ивановна появилась в защите при странных об-

стоятельствах. Она в конце войны пришла с девочкой к Маханьковым, которые жили по соседству с бабкой Рипкой, и объявила, что её дочка Тамара родилась от их сына, погибшего на войне. Девочке было пять лет. Мария Ивановна поселилась у них и стала работать в паспортном столе. Через отцовских сестёр она заочно познакомилась с Андреем Васильевичем, который вскоре должен был вернуться с фронта, «задурила» сестёр (Веру и Наталью), «разрисовав» им совместную жизнь, возможную после приезда их брата. А когда появился он, она сначала вкрадчиво, а затем и более увлечённо расписала лучезарные горизонты их возможной жизни в далёком Приморье. Отец находился в состоянии эйфории. Его здесь все любили и восхищались им. Ведь он прошёл всю войну и вернулся живым и здоровым. Многие женщины завидовали матушке, говорили: «Твой-то вернулся, прямо кавалер, а наши...»

Гулянки продолжались ежедневно, но тогда он, уже одержимый страстью, даже в присутствии матушки, когда она пришла вместе с нами в Защиту, выйдя в сенки, украдкой прижимал к себе появившуюся вдруг Марию Ивановну. А появилась она не вдруг и не случайно. Её легко можно понять, ведь могла сорваться наживка, которую она тщательно готовила. К тому же она была готова к борьбе, и не только противостоять моей наивной матушке, но и другим соперницам. Их было много, а мужчин, да ещё таких, как этот сияющий в полном здравии орденосец – единицы.

Матушка вместе с нами ушла в Белоусовку, надо было идти на смену, а нам на занятия в школу. И всё способствовало намеченному замыслу. Отец получал гражданские документы в Защите, откуда был призван на фронт. Будучи паспортисткой, она без развода оформила новую регистрацию. И он уехал, пока только с Марией Ивановной и её дочкой Тamarой. А потом следом за ними отправилась и сестра Вера. Наталье не суждено было увидеть «мечтанные дали», она через полгода умерла, так как ещё с войны болела туберкулёзом. Для нашей матушки, как ему казалось, он обеспечил нормальную жизнь, «вытащив» её из шахты и устроив в столовой официанткой. «По крайней мере, не будут голодными, – говорил он, – а с Петровной всё равно жизнь не получится – уж слишком она ревнива и сурова».

Матушке отец сказал, что едет устраиваться на буровую к своим старым друзьям, где работал до войны, и которых она знала. Сказал, что скоро вернётся за нами, и уехал, заодно прихватив немецкие часы с боем и дамский велосипед, которые привёз в качестве трофеев с войны.

Когда отец обманным путём исчез с нашего горизонта (я говорю «с нашего», обобщая инцидент, на самом деле он исчез с матушкиного горизонта), именно она тогда буквально не находила себе места. Мы же с Шуней ещё не привыкли к тому, что он живёт с нами. А матушка горевала так, что даже хотела наложить на себя руки. «Только думая о вас, моих деточках, – говорила потом она, – я удержалась от греха».

...Я не мог произнести слово «папа» – не знаю почему, и при встрече сказал ему: «Здравствуй, батя». Может, потому что рядом, сколько я себя помню, не было отца. Мимолётные с ним встречи не закрепили святого слова за ним. Так «батей» я и звал его в дальнейшем, не думая, что это задевает его до тех пор, пока случайно не услышал, как маленький четырёхлетний Андрей, видимо, подражая мне, сказал ему «батя». На что отец проворчал: «батя, батя», – и ты туда же. Это было сказано без расчёта на то, что я услышу. Марию Ивановну я тоже не звал «тётей Марусей», как ей хотелось. Просто меня это не очень озадачивало. Из его детей я больше всего общался с Андрюшей. Старший Алексей, которого я десять лет назад, когда он был младенцем, оттолкнул от себя, не признавая «братиком», находился почти всё время на каникулах у бабушки с бабушкой в Находке. При виде его, я только и заметил однажды, что на его левой руке нет среднего пальца – оторвало при разрыве поджига, который они, пацаны, осваивали. Младшая дочь Таня была слишком мала – ей было два года. Тамара – сводная дочь, тоже жила какой-то своей жизнью, к тому же вскоре вышла замуж. А вот маленький Андрей тянулся ко мне, и мы подружились. Я охотно с ним в свободное время играл и прогуливался по посёлку.

...Это было в Шкотово, куда мы заехали с отцом по пути во Владивосток. Отец решил прокатить меня по Примор-

рю, находясь в отпуске, который взял специально для этого. Посёлок Шкотово я запомнил с детства. Помню даже точный адрес: «Приморский край, Партизанский район, посёлок Шкотово» – отсюда пришёл к нам в Белоусовку от отца памятный денежный перевод – задолженность по алиментам за несколько лет. Деньги пришли как раз в момент денежной реформы, и тут же «пропали». Произошла девальвация рубля: один к десяти. Так что Шкотово было мне знакомо задолго до того, как попал туда.

Мы зашли в домик с верандой в сопровождении бывшего бурового рабочего из отцовской бригады. Там жила его сестра Лиза. Подошли и другие знакомые. Лизин муж находился в отъезде на вахте. Хозяйка наскоро накрыла на стол. Гости за разговорами захмелели. Как всегда, отец запел сочинённую самим песню, припевом которой были слова:

Водочка и винцо
Красят нам лицо,
Душу согревают,
К любви располагают.

Настроение поднялось. Все оживились. В разговорах начали повторяться. В какой-то момент отец с Лизой удалились в соседнюю комнату. Дверь была приоткрыта, и до меня донеслись отрывки их разговора.

– Да, ладно, ладно, Лиза, – говорил отец, – Гриша не плохой мужчина, ты уж его не обижай.

– Чего его обижать-то, пусть сам не обижается. – Ты лучше скажи, как твоя-то там «почтальёнша Маруська»? Всё ещё письма вскрывает, ловит тебя?..

Тогда-то я и догадался, что Лиза и есть та женщина, из-за которой отец чуть не «сложил голову». Я вспомнил разговор «на брёвнах» ночью во время пирушки в честь моего приезда:

– Чем же дело закончилось, раз уж батя остался жив? – спросил я тогда у Марии Ивановны.

– Чем? Да ничем! Григорий взял слово с Андрея, что тот больше не будет вторгаться в их жизнь. После чего напились, да и разошлись. Хорошо хоть дело не дошло до убийства...

– Как Григорий-то? – спросил отец у Лизы, пропустив мимо ушей её «поддёвку» насчёт «писем». В экспедиции-то тогда все подумали, что она вскрывает их из женского любопытства, не подозревая того, что таким образом она пытается выявить его связь с очередной любовницей.

– Да он, – заговорила Лиза, – по-прежнему бесится, не поймёт того, что чем чаще тебя вспоминает не добрым словом, тем сильнее моя тоска по тебе. Доходит до того, что в постели тебя представляю.

Именно во время встречи отца и Лизы, мне вдруг пришло, на первый взгляд, «нелепое» объяснение того, почему отец мне рассказал о расстреле той женщины в период её Любви.

«Да потому, – сказал я себе, – что он всегда думает только о женщинах. К ним он всегда равнодушен, потому что

любит их, причём всех и разных. Любит вообще Женщину: и красивую, и убогую, и нежную, и коварную, и жадную, и щедрую, и чуткую, но тоже любящую по-разному: нежно и бешено, неистово и сдержанно, внутренне и броско. Я не замечал, чтобы он презрительно отзывался о женщинах. Но ведь «покарал», подверг наказанию – расстрелял из пушки – ту, другую, которая тоже могла быть в иных обстоятельствах его страстью. А о чём ещё может говорить мужчина, если только Женщина занимает его сердце и ум? Ну, а то, что «покарал именно ту», очевидно и, грызёт его совесть, не даёт покоя».

...Когда через много лет отец приехал в Казахстан, в места своей юности, он сначала навестил родственников в Зашите и, конечно, не мог не заехать в Белоусовку. Сидя уже в автобусе, он обратился к пассажирам с вопросом, не знает ли кто, где проживает Алистратова Августа Петровна. На что соседка, сидевшая рядом, откликнулась: «Гутя, что ли? Да вон она сидит спереди у окна». Так неожиданно он встретился с моей тёткой, матушкиной сестрой – Августой. Из автобуса они вышли у мостика через речку, не доезжая до конечной остановки, и пошли прямо на кладбище, навестить могилки покойных родственников. И только после кладбища отец поинтересовался, где теперь находится Мария Петровна. И Августа сообщила, что она сразу после выхода на пенсию приехала в Белоусовку, у неё здесь свой домик. «Как

же так, ведь она замужем за Василием Рыльским, и живут они в Чимкенте?» – удивился отец. «Ничего подобного, она давно уехала от него, стала верующей, но не нашей веры, а связалась с баптистами, и живёт одна недалеко от нас по дороге на фабрику». «Вот это новость, ведь я тоже давно не живу с Марией Ивановной, – сказал отец, – но был твёрдо уверен, что Маруся не одна». Августа привела отца сначала к себе домой, познакомила с мужем, а на следующий день они проводили его к матушке. Отец в свои годы, хотя выглядел и неплохо, но уже болел сахарным диабетом, и глаза его из-за этой болезни слегка подёргивались. На ночь он остался у матушки. Она постелила ему на кровати в соседней комнате. Ночью Андрей Васильевич попытался, было, залезть к ней под одеяло. «Ты что это надумал? Стыд-то, какой, я верующая, и оставь эти глупости». «Что ты, Маруся, я погреться только хотел», – смутился он. «Иди в ту комнату, ложись на кровать, там тепло. И стена нагрета от печки». Он удалился, но долго ещё они переговаривались на расстоянии, повышая голос. Потом она вдруг спросила:

– Юрик говорил, что ты из пушки расстрелял немца с русской женщиной, правда, что ли?

– Неужели он и это тебе сказал?

– Сказал, как же, – тихо произнесла она. А потом добавила: – У тебя орденов-то много?

– На кителе видела? Два боевых ордена: Красной звезды и Отечественной войны, там ещё есть гвардейский знак. И

медалей много, но я их не ношу, а послевоенные, и за награды не считаю. Погремушки.

– Тебе, наверное, и ордена дали за этого немца с женщиной?

На что он недовольно ответил: – Нет, Маруся, за это не дают орденов.

– Да как же ты посмел такое сделать? Ведь ты же сам ни одной бабы не пропустишь, а тут расстрелял из пушки. Обиделся, что не тебе досталась, что ли?

– Уж так получилось, что же теперь...

– А зачем сыну-то об этом рассказал, совесть, что ли замучила? Так и мучился бы сам, а то невинного агнца подставил. Ну, ты-то бабник заклятый, а он и женщины не познал, всё вздыхал о девушках. А тут такое свалилось на его голову.

– Не подумал я, Маруся.

– Может, и не подумал. А только совесть-то тебя точно мучила, иначе бы ни с того ни с сего не разоткровенничался. Неужели нечего было рассказать о войне? Да ты знаешь, что я им, ребятишкам, во время войны показывала облигации, на которых танки были, и говорила: «Вот танк, а в нём ваш папа воюет с фашистами. Он хороший, а они плохие: напали на нас, и папу забрали на войну».

– Виноват, Маруся. Что-то нашло на меня, взял и рассказал, да что теперь делать-то?

– Ты-то виноват, ещё, поди, хвастал перед другими, какой находчивый: показал стрельбу на поражение противни-

ка. Без тебя бы с ними власти не разобрались, что ли? Безобразие, какое. А сыну теперь мучайся...

На следующий день при встрече Гутин муж, заговорщицки подмигнув, спросил его: – Ну, как переспалось с бывшей женой?

– Что ты, что ты?.. И не рад был, что попытался. Она же – баптистка, у них грех это.

– С бывшим мужем-то грех? – усомнился тот.

– Грех, грех, я, говорит, верующая, как можно? Когда ты был мне мужем-то? Одна, одна я детей поднимала.

Отец хотел задержаться и под видом «я бы тебе помог по огороду что-то сделать и... вообще», но матушка отказалась от запоздалых услуг. А насчёт воспитания детей был у них разговор. Она, конечно, спросила, чем занимаются его дети и где учились?

– Старший Алексей работает парикмахером, – ответил он, – Андрей киномехаником, а дочь Татьяна вышла замуж, работает в столовой. Ничего, живут семьями.

– Да что же это за «образование», – не без гордости заявила матушка, – киномеханик, парикмахер, кухработница? Вы ничему их не учили, что ли? Ты, наверно, со своей Машей-паспортисткой пьянствовал, да за бабами ухлёстывал. Тебе не до детей было.

– Знаешь, Маруся, не хотели они учиться, кто им не давал? Возможности были.

– Да это верно, – согласилась матушка. – Я ведь тоже не

уделяла внимания детям, мало была с ними. Всё мантулила: сначала в шахте, а потом в столовой от зари до зари. А в дни отдыха стирала залитые вином и борщом столовские скатерти, зарабатывала деньги, что б получше их одеть. А больше, что я им могла дать – малограмотная женщина? Сами как-то обходились. Я порой диву даюсь, как они институты окончили. Ну, Шурик, понятно, он школу закончил с медалью, а Юрика всё время выгоняли. А получилось так, что оба с отличием окончили институты. Шурик стал учёным, а Юрик – геологом и журналистом.

– К Шурику-то я заезжал в Иркутск, даже фотографировались, а про Юрика мало что знаю. Писал ему письмо ещё в армию. Но ответа не получил.

– Как же, говорил он мне, что ты ему какие-то стихи прислал, написал «что зря» про сантехников.

– Ну, знаешь, – обиженно отреагировал батя, – я колледжей не кончал, какое у меня образование – самоучка? Как могу, так и пишу. Где он сейчас, грамотей?

– Всё по полям не хуже тебя мотается. Сейчас в Кызылкумах работает, начальником объекта назначили, проводит какие-то геологические изыскания, будут, говорит, сибирские реки направлять в Аральское море, чтобы совсем не обмелело.

...Я вернулся в Иркутск в новом костюме, сшитом на меня по заказу отца, и с деньгами, которые заработал сам и дал

отец. Деньги я намечал потратить разумно, но за время моего отсутствия, произошли заметные перемены в настроениях студентов нашего техникума. С производственной практики ребята приехали уже с такими деньгами, которых до сих пор никогда не имели. И сразу же начали осваивать рестораны. Нам построили прекрасное общежитие на окраине города, и студенты взяли за правило из ресторанов ночью возвращаться на такси. Я тоже впал в этот образ жизни. Было интересно заказывать в ресторане то, что хочешь, а потом поздно ночью уезжать на легковом транспорте. Я, было, вошёл в колею, но вдруг осадил себя – «Что-то происходит не то. Так нельзя», – подумалось мне, когда деньги пошли на спад. Мне стало не по себе. Тогда в срочном порядке я поехал к брату Шуне в общежитие их института и вручил сумму денег, боясь, что всё просажу, со словами: – Купи себе, брат, непременно пальто, а то ты околеешь в такой холод. Он сказал: «Да, я так и сделаю». Но он «так » не сделал, не «купил себе пальто», а точно так же, как и я, «просадил» всё в ресторанах. Тогда я понял, что это поветрие. И мне стало спокойно. Да бог с ним с этим пальто, главное не я один «просадил» эти деньги, на то оно и студенчество! Зато, как мы пообщались со своими сокурсниками, рассказывая друг другу о том, у кого как проходила практика! «А папа, что «папа»? Ведь он нас бросил, когда был очень нам нужен. А теперь мы вошли в круговорот жизни взрослых людей. И живём, как хотим и как можем, сами по себе. Ведь он мне по сути никто.

Он мой отец не по моему выбору, а я его сын не по его желанию. Знаю, что матушка пыталась меня всякими снадобьями ещё в утробе уничтожить. Но, я её не виню. Такова была в то время тяжёлая и непредвидимая жизнь. Хотя, может быть, если бы она не принимала те снадобья, я был бы более терпеливым и нежным – во мне этого как раз и не достаёт. Ведь я прорвался через какие-то невероятные физиологические джунгли в этот мир»...

Так я негодовал, когда вспоминал о его злодеянии на фронтах войны. А если честно-честно, я бы не хотел вообще знать то, что он мне рассказал. И лучше бы такого «героизма» в биографии моего отца не было.

...Господи! Ну, причём здесь я? Я видел-то его три месяца, ведь он не жил с нами, не воспитывал нас, не помогал, и даже уклонялся от алиментов. Купил мне костюм, свозил во Владивосток, дал немного денег, и всё. Но почему я всю жизнь должен нести его крест – его грехи, и каяться за него? Как будто у меня своих грехов мало. Почему же его грех не даёт мне покоя?..

А впрочем, можно рассуждать и по-другому. Ну, какой же это «грех»? Да это же образцово-показательный процесс. Кто более ненавистен во время войны? – Враг и Предатель! А здесь, казалось бы, всё налицо – и тот и другой. Да, он расстрелял их из пушки, преподал урок другим. Иногда смертная казнь совершается публично, чтоб другим было неповадно. Правда, для этого должен быть суд. А суд в данном

случае – сама война, которая «всё спишет». Существует и принцип войны: смерть врагу и предателю! Немец, конечно, враг, а Она – кто скажет, что предатель? Она же только Себя отдала Ему, а Родина здесь не причём.

Или когда идёт война, то тот, кто находится на территории Отечества, непременно должен убивать того, кто ступил на его землю? А как же тогда Вселенская Любовь? Ведь для Бога все эти войны – человеческая Глупость. А Любовь есть Всепрощение, не взирая на границы, которые чья-то рука провела между местами расселения разных групп людей. А государства кто придумал? Для Бога нет государств, территорий, разделённых линиями границ. Есть земля для всех – место обетования Человечества.

«И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил...

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь. И наполняйте землю, и обладайте ею...»

(Бытие, гл.1, ст.27, 28)

Бог есть Любовь. Пора людям смотреть на жизнь и строить её по Вселенским законам.

...Какая глупость, какое ужасное непонимание того, что если два человека взялись за руки и предстали перед миром, то это ли не Любовь? Что же может этому противостоять? Какая сила? А сила нашлась – пушка и мой отец-наводчик.

Эта сила, казалась бы, и убила, расстреляла Любовь. Но это только казалось, а на самом деле, как оказалось, не смогла убить.

Война завершилась, и наступила пора отрезвления от военного психоза и эйфории. И то, что считалось «героизмом» или даже обыденным явлением в военное время, подверглось переоценки с точки зрения общечеловеческих ценностей. Началось осмысление содеянного. И это, видимо, незаметно вкралось в сознание моего отца. А может, только-только начало его беспокоить, пробуждая нравственные струны. Поэтому-то он, особо не задумываясь, просто так, мимоходом рассказал мне о военном «эпизоде». А уже я, отдалённый временем от событий, взглянув непредвзято на происшедшее, вдруг ужаснулся тому, что наделал мой отец. Как же так, почему он даже не подумал о том, что этого нельзя было делать, а сделал?.. Но, как видим, удовлетворения не получил, а напротив даже, во вред себе (мог бы и помалкивать, мало ли что происходит на войне?), поведал мне, сыну своему, ещё невинному агнцу, о том, что совершил. Таким образом, он не поставил точку на том деянии, а наоборот, отверг возможность исчезновения Любви. Может, он, бессознательно, рассказав мне о невероятном уничтожении лучшего человеческого чувства, и доказал то, что Любовь не уничтожаема, неистребима, а является основой всей жизни человека – Обожествлённой жизни.

...А ещё... может, он поднялся над всей этой закодиро-

ванной в ложном патриотизме системой, потому и рассказал мне, молодому парню, о содеянном?.. Ведь если бы он гордился этим, он говорил бы совсем другим тоном.

Тогда что же остаётся мне?.. Ну, конечно же, покаяться за него, иначе такие явления

могут превратиться в порядок вещей, стать обыденностью. И человек, если не будет хоть иногда «спохватываться» и останавливать в себе непредсказуемые инстинкты, превратится в мракобеса.

«Вождям народов, – рассуждал я, – присуще каяться за огромное количество жертв войны, а рядовым её – за грешную личную инициативу в этой смертоносной трагедии. Что я и сделаю за своего отца, если расскажу обо всём этом и совершу молитву покаяния».

С такими мыслями я пошёл к настоятелю церкви, потому что угрызения совести за поступок отца не оставляли меня; всё казалось, что это я его совершил, и должен непременно покаяться. Однако, встретившись со священником и поведав ему обо всём, услышал от него следующее: «Никто не может каяться за другого человека, кроме его самого. Молитв покаяния вообще нет. Для этого существует Исповедь».

– Не знаю, – ответил я батюшке, – исповедовался он или нет, не было разговора об этом, но я чувствую, что стал причастен к его греху.

– Бывали и такие случаи на войне, – продолжил священник, – когда перед боем солдаты рассказывали друг другу о

том, что их мучило. Это равносильно исповеди. Но вы говорите, что он поведал без видимого сожаления...

– Не сожалел и не гордился, – пояснил я, – но тот факт, что он рассказал об этом мне, убеждает в том, что это его мучило. И, видимо, передалось мне, и я хочу «покаяться» за него.

– Я уже сказал, что это невозможно. Нет таких молитв. Единственно, что можно сделать – это просить Господа, чтобы Он простил его прегрешения. А если его уже нет в живых, поставьте свечку и прочтите молитву «За упокой».

На этом наш разговор был завершён. И я пошёл в храм Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, что возле нас, поставил свечку перед иконой и произнёс молитву: «Упокой Господи душу усопшего раба твоего – моего родителя Андрея и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное». Аминь.

ДИВНАЯ ЕВА И ОТРОК АДАМ

*«И были оба наги, Адам и жена его,
и не стыдились».*

(Ветхий завет, глава 2. ст. 25)

Он и Она

Однажды Лина сказала ему: – Тебе 77 лет, а мне 75. Ты – Адам, а я – Ева. Думаю, Бог посмотрел на то, как тебе неуютно в Эдемском саду одному, и сотворил меня. Возможно, он размышлял над этим два года, этого было достаточно, чтобы появилась идея создать первочеловеку спутницу. И когда ты заснул, из твоего ребра появилась я.

– А причём здесь Адам, его жена и мы с тобой? – удивился Игорь.

– Видишь ли, Адам прожил 930 лет и Ева не меньше. А если сопоставить их конечный возраст с нашим настоящим, то мы сейчас пребываем в отроческом возрасте, как когда-то они; представь себе, мы юны и целомудренны – не стали ещё грешниками. Ева ещё не пообщалась со Змеем-искусителем. Вот как об этом сказано в Библии:

«21. И навёл Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он заснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место пло-

тию.

22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку.

25. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

Из записей Игоря Юльевича:

«Тогда я был Адамом с тобой, а сейчас... лишь мысленно обнимаю тебя, моя дивная Ева, и ласкаю. Ты же знаешь, как мне нравятся твои ножки выше колен. Я целую твои трепетные бёдра, и поднимаюсь выше и выше к изголовью. «Ой, ой, ой», – кокетливо реагируешь ты, а мои губы ласкают и ласкают. И вот я уже касаюсь волосиков твоей промежности. Язык мой раздвигает твои внутренние губки, и я окунаю его вглубь тебя, и осязаю заветный влажный бугорок. Это самое чувственное место твоей плоти. Бугорок от ласки набухает и вытягивается вдоль щелочки. Всё это внутри тебя. Я знаю этот вытянутый холмик, не раз прикасался к нему пальцем и беспокоил его, сначала нежно поглаживал, а потом нажимал сильнее и сильнее. Это уже по твоему желанию, так как лёгкие усилия возбуждали тебя всё более. Отчего ты начинала сладострастно извиваться и постанывать. А сейчас язык мой прощупывает далее твою внутреннюю плоть, где, кроме бугорка, ощущает что-то похожее на мелкие зёрнышки. Наверное, это нервные окончания, при соприкосновении они ещё сильнее воспаляют тебя. А язык уже проникает глуб-

же в некое «помещение», куда всегда стремится «нетерпеливый посланник», чтобы одарить нектаром поджидающую его с трепетом «незабудку». Здесь-то и перевоплощается взаимная страсть в божественное чудодейство, которое является основой зарождения нового существа...

Но в ласках я сейчас поднимаюсь выше. Руками ошупываю твои груди, прикасаюсь к сосочкам, а потом опять же языком трогаю их, и всасываю ртом, насколько это возможно, твои некогда молочные полушария. Тебе щекотно, и ты это выражаешь вслух, игриво вздрагивая, будто вырываясь. Но я продвигаюсь выше – целую шею и ланиты, а потом мы встречаемся устами и целуемся долго, взахлёб. «Никогда так страстно не целовался», – шепчу я. Нам приятно и совсем не противно, как бывает иногда, когда видишь подобную ласку других. И это потому, что мы, наконец, нашли друг друга. Я заметил, что и пот у нас одинаков. Может, поэтому мы и сблизились. Ничто нас не отторгает друг от друга.

...И всё-таки, когда я обнимаю тебя и ласкаю, мне этого мало. Я готов войти в тебя не только нижней плотью, что вполне естественно, но и грудью в грудь. Вспоминаю, как в мистических фильмах автомобили проносятся сквозь призраки бывших людей, и мне хочется, чтобы мы также проникали друг в друга, превращаясь, хотя бы на миг, в единое целое».

* * *

...С Игорем Юльевичем мы впервые встретились на буровой у Шахлара. Дело в том, что на участке в подземных водах, вскрытых ранее пробуренными скважинами, было обнаружено аномальное содержание золота. И специалисты партии, где я тогда работал, решили, что вполне возможно в недрах данного района наличие ценного рудопроявления. С невероятным трудом были выбиты в министерстве деньги на бурение этой скважины. И я был рад, что бурить её будет бригада Шахлара, которого я давно знал как надёжного работника. К тому же у меня появилась возможность не только воочию узреть породу с ценным металлом, но и написать статью в газету о бригаде лучшего мастера. Я даже сделал предварительно кое-какие наброски о том, как «четверть века трудится в экспедиции буровой мастер Шахлар», и как «из года в год его бригада коммунистического труда перевыполняет планы пятилеток, опережая время». Словом, я был доволен ситуацией.

Игорь Юльевич тоже оказался в бригаде Шахлара, только с иными целями. Он работал в партии, которая занималась внедрением «новой техники». И должен был проследить, как поведёт себя разработанная ими коронка при бурении пород пневмо-ударным способом.

Мы были с ним почти одного возраста, а когда он узнал, что я параллельно занимаюсь журналистикой, его интерес ко мне заметно возрос. Нам было о чём поговорить, тем более что, по его словам, его мать была газетным публицистом, а

сам он пописывал стихи. Но самое, по-моему, главное было то, что он великолепно играл в шахматы. И сразу же предложил мне сыграть партию. Я редко играл, но иногда, особенно когда оставался один в отряде, то охотно разыгрывал комбинации. И всё-таки это было, как говорить, «не моё», и я чувствовал здесь предел своих возможностей. Однако в тот раз, видимо, от непредвиденного волнения, Игорь Юльевич проиграл партию. Мне кажется, я тогда просто заморочил ему голову. Потому что, сколько бы партий мы не играли в дальнейшем, ни разу я не был даже близок к победе.

Из записей Игоря Юльевича:

«Странно то, что с ней я не стесняюсь своих гениталий, словно всё время остаюсь Адамом, ещё не познавшим первородного греха. До встречи с ней – моей мнимой Евой, я обычно избегал полностью обнажаться перед любовницами, хотя с их стороны зачастую не было стеснений. Помню, однажды купался в проточной речке, струя воды сорвала с меня плавки (резинка оказалась слабой), обнажая ниже пояса. Я тотчас спохватился – натянул плавки, пряча свои интимные «доспехи». При этом успел заметить любопытный взгляд своей зазнобы.

Одно время стало модным даже мужикам-сослуживцам ходить коллективно в баню. Кроме веников, они брали с собой пиво и другие горячительные напитки. Меня тоже при-

глашали. «Что за радость напиваться в голом виде с мужиками?» – негодовал я. Мне даже на армейских сборах не совсем удобно было ходить строем в общую баню и мыться там гуртом, хотя вынуждала необходимость.

Однако с Евой я потерял всякое смущение и стыд, как Адам до того, как отведал злосчастного яблока. Мы будто сами стали первочеловеками, вернулись в то время, когда не было стеснения, а было лишь умиление друг другом и взаимное любопытство. Я расхаживал совершенно голый перед ней и чувствовал, что люб ей весь, включая пенис, который она поначалу с любопытством разглядывала, будто и не была замужем более сорока лет, и до этого не имела утех с любовниками. Иногда она даже играла с ним, натягивая необрезанную шкурку плоти на головку. «Что ты, что ты?» – удивлялся я. На что она с улыбкой отвечала: «Глупенький мальчик мой, неужели ты не чувствуешь, как приятен мне?» А когда взяла его в рот и утолила мою страсть, мне действительно поверилось, что провидение вернуло нас во времена наших далёких прародителей.

Любознательности моей тоже не было предела. Однажды я подложил ей под бёдра подушку, раздвинул колени и, осветив настольной лампой, стал рассматривать внутренности заветного лона... «Неугомонный ты мой мальчишка, – доверяясь мне, молвила Ева, – всё тебе интересно».

– Да разве может не быть интересным место, откуда мы все вышли. Это же святая святых – наше ложе, где мы раз-

вивались и росли внутри чрева целых девять месяцев, как у Христа за пазухой? Это же самое таинственное место».

Он и Она

Они неожиданно встретились на остановке около базара, и Игорь сказал ей:

– Слушай, Лина, я хочу показать тебе свои новые стихи.

– Ты всё ещё пишешь стихи? – удивилась она. – Слышала, что ты писал их, когда ещё работала в объединении. Правда, они почему-то не доходили до меня.

– Как они дойдут, если мы не общались? Кстати, ты помнишь момент, когда мы ехали в автобусе, было много народу, я взял твою кисть руки, которая была в перчатке, и крепко пожал.

– Кажется, вспоминаю. Но это же было так давно. Наверное, прошло лет тридцать, не менее.

– Какая разница, сколько лет прошло. Главное, я тогда пожал твою руку, которая была в перчатке, и ты ответила мне тоже рукопожатием. Мы стояли почти вплотную – так много было народу. Я тогда понял, что ты всё помнишь...

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего себе, она ещё спрашивает? Я имею в виду нашу работу в небольшом посёлке, где мы бурили скважину рядом с озером, в котором купались. Там ещё проходила железная дорога, а за ней возвышались трубы цементного завода.

– Вспоминаю, вспоминаю. Это было недалеко от Тюльку-

баса.

– Ты тогда была замужем, – напомнил Игорь. – У тебя было двое маленьких детей. Мы случайно остались в камералке вдвоём. Все ушли на обед. Я прислонил тебя к косяку двери. Мы обнялись, и ты тихо сказала: «где, где?». Тогда мы прижимались друг к другу и целовались. Всё это происходило в спешке, и быстро закончилось. Скрипнула в прихожей дверь, и мы разъединились. На другой день всё повторилось почти точь-в-точь. И главное, ты снова сказала: «где, где?» Признаюсь, после первого раза я не придавал значения этим словам. Но, когда они вновь были произнесены, – я растерялся.

– О чём ты говоришь, Игорёк? – удивилась Лина. – Я не могла этого делать. Ты, наверное, путаешь меня с кем-то? Ведь это было более пятидесяти лет назад.

– Ровно пятьдесят два года, – уточнил он. – Я тогда был совсем молод, и, конечно же, не задумывался о том, «где» можно было продолжить наши встречи. Ведь я был беспардонный холостяк, для меня это было легкомысленное увлечение – не более. И когда ты неожиданно появилась в конторе с синяками на лице, я, узнав, что их подсадил тебе твой муж, набросился на него: «Как ты можешь обижать женщину? Какое ты имеешь на то право?» – вызывающе возмущался я, глядя ему прямо в глаза. Еле удалось избежать скандала. Правда, после этих слов я запретил себе с тобой встречаться. И наш роман оборвался.

И всё-таки, какой же я был глупец, не сумел тогда сори-

ентироваться. А ведь можно было затащить тебя туда, где я проживал, и где как раз в обеденный перерыв не было дома ни хозяйки, ни её дочери-школьницы. Ведь я тогда впервые мог ощутить тебя, мою первую зрелую женщину, которая уже имела детей и любовников. До того все мои отношения с девушками были «впопыхах», не было полноценной зримой ласки, когда ощущаешь по-настоящему женщину, и сам отдаёшься весь, утоляя страсть. Твои слова «где?» и ещё раз «где?» не раз возвращали меня мысленно в то время.

– Слушай, ты не выдумал всё это? – вновь усомнилась Лина. – Почему я-то не помню? Знаю, что ты мне нравился, и всё. А тут такие детали. Неужели так всё и было?

– Конечно, было. Ведь я и руку тебе жал в автобусе, потому что вспомнил тот далёкий эпизод. Думал, что и у тебя пробудилась память.

* * *

...На буровой мы каждый занимались своим делом: буровики бурили, Игорь Юльевич следил за работой коронки, а я наблюдал и записывал в журнал изменение породы. Пока проходка совершалась по рыхлым отложениям, проблем не было. И мы с Игорем Юльевичем играли в шахматы, и вели умные разговоры о поэзии. Мы сдружились, и стали называть друг друга по имени, без отчеств. Ему захотелось узнать моё мнение о сочинённых им стихах. Я обратил внимание, что стихи его представляют собой в основном философское осмысление жизни. По крайней мере, те, которые

он мне доверил. Наиболее ярко выделялось стихотворение «Исповедь «мизантропа». Слово «мизантроп» он взял в кавычки, как бы отвергая на самом деле своё «человеконенавистничество». Стихи таили не добрую иронию:

Многослойной живой начинкой
Переполнились этажи -
Недоношенные личинки
Строят новую, светлую жизнь.
Разлохмаченные бытом женщины
И плешивые их мужья -
Обездаренная поденщиной
Толчая, толчая, толчая.

И заключает стихотворение совсем недружелюбный вывод:

...Тени гениев – людские толпы:
Массы, винтики, штабеля...
Околпаченных, перемолотых
Ждёт земля, ждёт земля, ждёт земля.

Я сказал Игорю своё мнение о стихах. А чтобы он знал вообще о моём подходе к оценке качества поэтическихopusов, пообещал дать ему для прочтения свои две статьи – «Пегас бывает строптивым» и «Где искать мне лиры звуки?..», опубликованные в газете «Вечерняя столица».

– Когда ты прочтёшь эти обзоры поэтической почты, – сказал тогда я, – то и сам сможешь объективно оценить свои творения. Там мои взгляды на поэзию вообще, и доскональные разборы стихов респондентов.

Из записей Игоря Юльевича:

«Я не отношусь к детородным органам как к «сраму». Напротив, эти святые места достойны особого ухода и уважения. Не в пример нам животные «целуют» их друг у друга, обнюхивая и лаская. Это же очаги зарождения всего живого. У животных, как принято считать, нет рассудка, поэтому такое «уважение» дано им от природы, то есть от Бога. А мы, люди, своё невежество и неуважение к природе не должны допускать – напротив, должны одуматься, и вернуться к истоку – изменить отношение к «интимным» местам. Должны их просто содержать в идеальной чистоте и любоваться ими.

У Достоевского было что-то «желательно с грязнатой», кажется, из рациона извращений Свидригайлова. Но я за то, чтобы не было этой «грязнатцы», да ещё «желательной». Я за чистую духовно-плотскую любовь, за то, чтобы пары радовали друг друга всецело, любовались и восхищались друг другом по-детски чисто, и ласкали непосредственно.

Александр Блок никак не мог согласиться с «плотской» любовью. Говорят, целый год не касался своей жены после венчания. Боготворил, не хотел осквернять, любил духовно. Хотя сам пользовался услугами жриц с панели. Наверное, его

поэтическое сердце не чувствовало, каково его жёнушке наблюдать со стороны за его «плотскими» утехами, а самой при этом находиться на «сухом» пайке».

Он и Она

Туманная полоса, вытянутая параллельно простиранию гор, разделила их пополам: верхняя часть, состоящая из горных пиков, словно повисла в воздухе, сверкая на солнце своими снежными вершинами, а нижняя – утопала в изумрудной зелени разлапистых елей, слившихся посредством кустарника с берёзами, боярышником и ярко-красными осинами.

Игорь и Лина сидели на лавочке, на берегу обустроенной горной речки. Приятно пахло только что скошенной травой. День был светлый, солнце ещё не достаточно высоко поднялось над горами, чтобы наступила полуденная жара. Рядом с лавочкой длиннохвостая сорока прыгала под кустом, облепленным белыми цветами. «От чего это она так скачет? – удивился вслух Игорь. И тут сорока, подпрыгнув, схватила клювом белый цветок, потрепала его, но неожиданно отвлеклась, оставила цветок и пошагала прочь от куста. А потом стала выклёвывать что-то из почвы.

– Ты говоришь, что живёшь по линии наименьшего сопротивления, а ты любила кого-нибудь по-настоящему? – спросил Игорь.

– Не знаю, – ответила Лина.

– Чего же ты тогда отдавалась первому-встречному?

– Сама не пойму.

– Ну, значит, ради сиюминутного удовольствия, – заключил Игорь.

– Я думала: раз он хочет – пусть получает, и отдавалась.

А насчёт удовольствия не помню.

– Была просто давалкой, что ли?

– Выходит так, а потом – аборт... даже не предохранялась. Ну, глупая была.

– Удивительно.

– Сама поражаюсь.

– И всё-таки я не пойму, – не отступался Игорь, – что тобой двигало: любопытство, страсть, желание пополнить коллекцию соитий и новизны ощущений? Меня, например, обуряла страсть. Она не давала мне сосредоточиться, отвлекала, как мне казалось, от серьёзных дел. Помню (давно это было), я иду по тротуару, передо мной шагает женщина лет сорока, обычная, заурядная, с хозяйственной сумкой. Оглядываю её, и думаю: «вот ведь шагает к себе домой, дома займётся повседневной суетой, а ночью ляжет под мужа, и как всегда (всё равно, что съесть похлёбку) получит свою дозу секса. И опять пойдёт себе со своей сумкой. А мне ох как охота соития! Это желание мешает мне готовиться к экзамену, который будет послезавтра».

– Или вот ещё вспомнился случай. Один беглый водитель-москвич (скрывался, наверное, от правосудия – уж

очень он был интеллигентного вида, мы тогда работали в безлюдных Кызылкумах) рассказывал, как однажды он вышел из метро, «народ, по его словам, буквально валил из подземки, гляжу, впереди бежит девушка лет тридцати. Поравнялся я с ней, и тихо говорю: «Так хочется секса, сил моих нет», она от неожиданности дёрнулась, глянула на меня, и тоже тихо так молвит: «А мне-то как хочется, знал бы ты?» Приостановились мы, переглянулись; «Ну, так давай соединимся», – говорю ей. «Давай», – соглашается она. «А где?» – спрашиваю. «Да я тут рядом живу». «Так пойдём, чего раздумывать-то?». И мы зашли к ней, и так слились в экстазе, что до сих пор помню. Вот и рассказываю тебе».

– Именно такая страсть побуждала меня сблизиться с любовницами, – завершил разговор Игорь. А вот тебя я не пойму: быть просто давалкой, это что-то новое и трудно объяснимое.

* * *

С появлением на забое скальных пород, в которых должно было находиться золото, беспечности нашей наступил конец. Шахматы и стихи отодвинулись в сторону.

После нескольких спусков снаряда в скважину с применением разных режимов проходки, было установлено, что коронка, вращаясь на забое, одновременно наносила частые удары по породе, дробила её, разрушая керн.

Игорь Юльевич понял, что «новая» коронка – всего лишь пустая задумка, и не может соответствовать тому, что от неё

требовалось. «По-другому и не может быть, – размышлял он вслух. – Не знаю, кому могла прийти в голову идея извлечения полноценного керна при пневмоударном бурении? Для этой цели существует колонковое бурение с алмазными и победитовыми коронками».

– О чём ты говоришь?! – возмутился я. – Экспедиция давно занимается поисками подземных вод и керн не требуется, вернее не обязателен, поэтому таких станков давно уже нет. Вам не надо было соглашаться бурить эту скважину, тогда нашли бы нам станок подходящий.

– Кто-то меня спрашивал, – с досадой огрызнулся Игорь Юльевич, – послали и всё. – Забирай, говорят, коронку и поезжай в бригаду Шахлара – опробуй её на предмет внедрения в производство. Наверное, надеялись на положительный результат.

– И что теперь делать, ведь мне нужен керн?..

Бурение скважины остановили. Надо было что-то предпринимать. Озабоченный Игорь Юльевич сначала ходил вокруг скважины, потом зашёл в подсобку и внимательно осмотрел оборудование, обычно перевозимое на всякий случай с точки на точку.

– Юра, – наконец, обратился он ко мне, – с коронкой получился явный облом, но выход есть, только не знаю, устроит ли он тебя? Я тут нашёл старую шламовку – трубу диаметром 108 миллиметров, правда, она длинновата, но если её укоротить, то можно извлекать породу с забоя. Конечно, по-

рода будет не столь полноценная, какая тебе нужна, но спасти положение можно.

...Бурить решили укороченными рейсами. Работа возобновилась. Для начала прошли чуть более метра. При резком снижении давления воздуха крупная фракция породы оседала в шламовке. Так рейс за рейсом мы проходили скважину, доставая из недр интересующую меня породу.

С наступлением ночи, Игорь часа на три подменил меня, сам следил за проходкой, давая возможность мне поспать. Дальше процесс шёл по отработанной схеме.

Через день Игорь Юльевич уехал в экспедицию. Я скрупулезно следил за углублением скважины, и внимательно изучал каждый кусочек, каждую крупницу извлечённой породы.

В тот вечер перед наступлением темноты я проинструктировал сменного мастера, что надо делать. А глубокой ночью забрался на верхнюю полку походного вагончика и крепко заснул.

Проснулся, когда солнце уже разливало свои благодатные лучи над песчаной степью, и сразу же направился к скважине. «Ну и как шла проходка, и где керн?» – спросил я у стоявшего за рычагами мастера. «Проходка шла хорошо, а керн вон он, лежит на деревянном щите», – кивнул мастер в сторону. Я глянул туда, и содрогнулся. Груда мелкого шлама вперемежку с пылью водружалась на щите. Рядом валялась лопата, которой, очевидно, сгребалось то, что выдувалось воздухом из скважины, и что должно было заменить

кern, ради которого велись работы.

– Шахлар! – крикнул я, устремившись к вагончику, где он располагался. Вагончик был пуст. – Где Шахлар?! – едва сдерживаясь, вопрошал я у сменного мастера.

– Шахлар Ахметович ранним утром уехал на базу, – ответил мастер.

Моему возмущению не было предела.

– Я же тебе лично говорил, как надо бурить и что делать. Отвечай: говорил или нет?!

– Ну, говорил. А Шахлар Ахметович, вместо шламовки велел спускать пневмоударник, и бурить, как всегда, крестовиком.

– И сколько же вы пробурили метров этим самым «крестовиком»? – уточнил я.

– Две штанги прогнали, считай порядка девяти метров.

– Боже мой, боже мой, – стенал я, хватаясь за голову. – И об этой бригаде я хотел писать в газету! Судить вас всех, вместе с вашим Шахларом Ахметовичем, надо! И это передовая бригада, которая из года в год работает, опережая время?! Знаю я теперь, как вы опережаете время, халтурщики!..

Так я орал среди степи, машинально собирая руками шлам, в надежде сохранить хоть что-то, и если не увидеть воочию, то путём лабораторных исследований зафиксировать наличие ценного металла.

Из записей Игоря Юльевича

«Меня не перестаёт удивлять тот факт, что именно в конце своих дней я встретил, наконец, идеальную для себя женщину, которая словно синтезировала всех встреченных до сих пор моих пассий.

Мы прощаемся с ней, и не можем оторваться друг от друга. Губы наши сливаются, руки переплетают тела, мы льнём друг к другу. И не бывает момента, чтобы нам не хотелось этого делать. «Милый, родной, – говорит она, – прощаемся до завтра?» «Да я и сегодня бы не прощался, если бы мог», – отвечаю я...

Я хотел бы в тебе раствориться,
И чтоб ты растворилась во мне.
Чтобы мы не могли разделиться –
Не хочу, чтоб была ты во вне.
Мы сольёмся с тобой воедино,
Не на миг, а сольёмся навек.
Пусть живёт
Полнокровно-счастливый
Двуединый из нас человек.

...И кто же она, моя последняя (подчёркиваю это) пассия?.. Теперь она часто рядом со мной – с виду неприметная старушка, но с признаками внутреннего заряда молодости. Она прекрасна, если отбросить внешние следы увядания: морщинки на лице и синие прожилки на ногах. У неё

удивительная фигурка и цвет голубых с поволокой глаз. Но главная особенность – это её беспредельная покладистость и неуёмный темперамент. Она легко воспламеняется и жаждет наслаждений, эротических наслаждений.

Воспламенимая легко,
Любовью дышишь ты ответной -
И солнце светит над планетой,
И я взлетаю высоко.

Так звучат мои стихи, когда я общаюсь с ней. И я люблю её не такой, какая она в данный момент передо мной, а такой, какая она есть, и была, люблю вообще всю и сразу. Воспринимаю прошлую – совсем юную дурочку, а потом малозаботную, легкомысленную девушку и, наконец, зрелую, и, как теперь уже, – совсем взрослую женщину».

* * *

– Немедленно остановите бурение, – распорядился я. – А этот чертов «крестовик» замените на прежнюю коронку и опускайте шламовку. Продолжайте проходку скважины укороченными рейсами. За выход породы будешь отвечать лично ты, – сказал я сменному мастеру, и пригрозил: – Если не сделаешь так, то обещаю тебе, будут неприятности такие, что мало не покажется. И с Шахларом разберёмся – не сомневайся!

Рассказ Лины

... «Я жила на Украине в маленьком городке, училась в женской школе. Ребята-парни нам казались святыми и недоступными. Изредка на какой-то из праздников к нам приводили мальчиков из мужской школы, позволяли танцевать вальс и играть в «ручеек». Мы очень стеснялись, хотя в душе ликовали и очень ждали этих встреч. Я была поздняя дочь, и мною никто не занимался: брат и сестра были на много меня старше, и оставили дом, когда я была ещё совсем маленькой. Брат ушёл на войну, а сестру оккупанты угнали в Германию. Мы остались вдвоём с мамой. Во время войны к нам подселяли немецких солдат. Помню, как немцы, заходя в дом, разувались и заставляли маму мыть грязные ботинки. Ещё помню, как они приносили в котелках пищу, но никогда не делились. Я жадными глазами смотрела на еду и плакала, а немец, обращаясь к маме, говорил: «Матка, бей её, бей, пусть не плакает».

В конце войны, когда немцев выгнали, я пошла в школу. Училась хорошо. Помню, в школе мне понравилась одна девочка. Она была не похожа на обычных крикливых одноклассниц, всегда была внутренне замкнута в себе, и это делало её загадочной. Мы, хотя и не сидели за одной партой, частенько переглядывались. В этих взглядах таились взаим-

ная тяга и симпатия. На переменках мы оказывались рядом. После уроков выходили вместе и шли до поворота, где расходились наши пути домой. У неё были большие, немного выпуклые, как почти у всех евреев, карие глаза. Однажды после уроков она привела меня к себе домой, где меня многое удивило. Резной сервант был заполнен сервизами красивой посуды. У окна стояло фортепиано – тогда это было большой редкостью. Фарфоровые вазочки и бронзовые статуэтки украшали журнальный столик и изящную тумбочку. Всё было не так, как у нас дома, где мы скромно жили с мамой. Помню, Алевтина усадила меня за обеденный стол, и мы стали пить чай. Тут я засмотрелась на картину, которая висела на стене напротив, резко повернулась и локтём задела чашечку, она упала на пол и разбилась, хотя и не совсем – отвалилась только дужка, но чашечка была повреждена. Мне стало неудобно. После этого эпизода моя подружка больше не приглашала меня к себе домой, видимо, мама запретила.

Семилетку я окончила с отличием, и без экзаменов поступила в ближайшем городе в геологоразведочный техникум, потому что там была хорошая стипендия. Вообще-то я хотела окончить среднюю школу и поступать в институт, но мама сказала, что она уже в возрасте и не сможет меня обеспечивать, надо как можно раньше получить специальность и стать самостоятельной.

Я уже заканчивала первый курс, когда мы с девчонками решили отметить майский праздник (мы тогда снимали

квартиру у турков), и накрыли стол прямо во дворе. Погода была солнечная, настроение весеннее. Раньше, собираясь на праздники, молодёжь не упивалась и не объедалась, как сейчас, обычно накрывали скромный стол, на котором были непременно винегрет, пирожки и жареная картошка. Посредине стояла одна бутылка вина. Все угощались, пели песни и танцевали под патефон. Рядом со мной за столом сидел старшекурсник, он только что окончил техникум, до этого отслужил армию. Наверное, заранее приглядел меня, потому что когда стемнело, и все стали парами разбредаться по укромным местам, мы с ним тоже оказались на скамейке в палисаднике. Сначала просто разговаривали, потом обнимались и целовались. Я разомлела. Со мной происходило такое впервые. Он разложил меня на скамейке, я не сопротивлялась, да не особо и понимала, что происходит. Помню, он приподнялся, и, застёгивая уже ремень на брюках, тихо сказал: «Ты не бойся, не забеременеешь, я туда помочился». Поцеловал меня, и мы распрощались. Он ушёл, а я лишилась девственности.

– Кровь-то была? – спросил Игорь Юльевич.

– Да была, наверное... как же иначе, – задумчиво произнесла Лина. – Он уехал куда-то по направлению, и больше я его не видела.

– А он что, не попрощался даже?

– Нет, не попрощался, Я поплакала... и успокоилась.

...Потом на практике в Абхазии мы стояли с девчонками, разглядывали местность и о чём-то беседовали. Какой-то хачик, молодой парень, подошёл к нам и говорит мне: «Пойдём со мной в сторонку», и я пошла. Зашли за кусты, он начал приставать ко мне, я противилась. Он повалил меня и сделал своё дело. А потом ещё упрекнул: «Я думал, ты целка, ещё ломалась». Не доволен был. После этого девчонка-сокурсница, указывая на меня, говорит: «У неё теперь будет ребёнок». Я испугалась. Но, к счастью, всё тогда обошлось.

А на последнем курсе я сошлась со студентом Юрчиком. Он всё говорил: «Ой, да я такой испорченный девками парень, отец мой был начальником, в его подчинении много было девчонок, и почти все они прошли через меня. Дошло до того, что я, наверное, уже не способен заниматься любовью, хотя и молодой ещё».

Мне отчего-то стало жалко его, да так, что я однажды пришла к нему в общежитие, и мне очень захотелось, чтобы он стал моим мужем, я даже мечтала от него ребёночка родить. Влюбилась, наверное. Целую ночь я помогала ему.

– Как это «помогала»? – изумился Игорь.

– Ну, как, как? – ласкала его, целовала, возбуждала. Целую ночь мы тешились. На утро сосед его, с другой комнаты, говорит нам: «Ну, вы даёте, целую ночь скрипели кроватью!»

Тогда-то я и забеременела от Юрчика. А он побоялся ехать за мной. Ему ещё год оставался учиться. Он сдрейфил,

о загсе не могло быть и речи. И я начала свою производственную деятельность беременной безмужней девкой в Средней Азии, куда меня определили в Москве, в геологическом центре. И вот я уже в вагончике на буровой, и глажу со страхом свой живот.

За мной сразу же стал усиленно ухаживать шофёр, готов был прямо жениться на мне, а я боюсь ему сказать, что беременна. Тут повариха говорит: «Да ведь я могу тебе аборт сделать». «Как, прямо здесь в поле?» – удивилась я. «Да, прямо здесь. Надо мыло и ещё кое-что ввести тебе в матку – и делу конец». И я решилась. Она сделала мне аборт, хотя большой срок беременности был. Закопали мы с поварихой ребёнка в степи. А собаки отрыли и таскали в зубах остатки.

– Да как же ты могла это видеть и пережить?! – воскликнул Игорь.

– А вот смогла, и до сих пор кошмар этот в глазах стоит.

Тем временем мой ухажёр сделал мне официально предложение. Я говорю ему: «Ты знаешь, я же сделала аборт». Он: «Могла бы и не делать, родила бы и всё, пусть себе живёт с нами», «Знать бы это раньше», – подумала тогда я. Но дело было сделано. А вскоре я забеременела уже от него.

– Да знаю я твоего мужа-благодетеля, – не выдержал Игорь. – Он мне сам рассказывал, хвастался, как тебя поимел первый раз, мы тогда с ним делали откачку скважины за посёлком. Ехали вы по полю, он остановил машину, залез под кузов и говорит тебе: «Поддай монтировку, здесь надо кое-что

поправить». Ты наклонилась, подавая монтировку, он схватил тебя и подмял под себя.

– Понравилась я ему: давай, говорит, поженимся. Тогда-то я и скрыла, что беременна, а может, зря. Хотя, какой он был мужик. Непутёвый, безответственный. Намучилась я с ним.

Родился ребёнок. Работать я не смогла. Мы определились у его родственников. Зарабатывал он мало. Мотался на машине по командировкам. Жили мы с сыном впроголодь, даже молока не на что было купить. И вот однажды стою я на улице с ребёнком, подъезжает он на машине, а в кабине у него девка. Мы заговорили с ним, а она встрела: – Так ты что, женат, что ли? И ребёнок это твой? Какого же ты хрена молчал? – хлопнула дверцей и ушла.

Я оторопела: – «Ничего себе, думаю, каков гусь? Значит, я сижу с ребёнком дома, денег нет, мы голодные, ведь он дал мне всего пять рублей несколько дней назад, а он наслаждается с бабой?». «Ах, вот ты как? – возмутилась я, – Ещё и изменяешь мне, кобель голоштаный? Подожди, теперь и меня не удержишь, паршивец этакий!» Вот тогда-то я и отреклась от него. И начала ему изменять направо и налево.

Ребёнка я отвезла к матери, а сама поехала на полевые работы зарабатывать деньги, с того момента и начались мои полевые любовные похождения. Было даже так: он, непутёвый муж мой, на смене подносит трубы буровому мастеру, а я в это время в вагончике с радистом любовь играю. И так было всегда.

– А мужику твоему никто ничего не рассказывал?

– Выходит так.

– А ты не боялась, что он застанет?

– Боялась. Но его я уже ненавидела за то, что изменял мне, когда я голодала с ребёнком.

Я перестала его уважать, тем более что он и работать-то толком нигде не мог. Денег получал мало, да и то пропивал. Мужиком оказался никудышним. Всё легло на мои плечи. Моталась я по полям с буровиками, а он компрессорщиком был, а то и просто подсобным рабочим. Образования тоже никакого. Единственно что – на мордашку был смазливый, а так – пустоцвет. Плюнула я на него, хотя и жили вместе. Мне даже кажется, что второй ребёнок не от него, а от того радиста, слишком он отличался от других детей.

– А что, твой муж, не видел разницы?

– Ему было всё равно.

Детей у меня трое. С детства ни к чему не стремились – учились кое-как, в отца пошли. Средний – поумней и способней, но робость в нём какая-то была. Свекровь, бывало, говорила: «Не наш это ребёнок, наши-то – упитанные, мордастые, а этот смарчок». Стеснительный очень. Особенно с девушками. Неуверенность в нём навсегда осталась. Так и живёт бобылём. Влюбился ещё в школе в одноклассницу, она отвергла его, а он оказался однолюбом. Так и сохнет по ней всю жизнь.

Радист был старше меня, такой видный, солидный. Всё

вспоминал бухгалтершу блондинку из конторы. Рассказывал, как ему было с ней хорошо, имея в виду секс.

Ещё про одного забыла сказать. Это было на практике тоже на востоке, куда мы попали с подругой. Но пришлось расстаться, нас раскидали по буровым – документировать скважины. Я попала в отряд ручного бурения. Время шло к осени, было ещё тепло. Спали прямо на земле под открытым небом. У всех в отряде, кроме меня, были спальные мешки. Сначала это не играло роли – я спала на матрасе, и укрывалась байковым одеялом. Но вскоре резко изменилась погода, похолодало, и по ночам я стала мёрзнуть. Один парень, не помню уже имени, всё поглядывал на меня, заметил, что мне не совсем уютно, и, как бы, между прочим, сказал: «А у меня спальник двухместный, может, переселишься ко мне, вдвоём будет теплее». «Мог бы и просто предложить свой мешок», – ответила я. «Но ведь тогда и я, как ты сейчас, буду мёрзнуть, а так обоим будет хорошо». И ночью я залезла к нему в спальник.

– Это было после Юрчика? – спросил Игорь.

– Нет, это было после хачика.

– Так Юрчик у тебя был не третий, а четвёртый?

– Выходит так.

– И ты спала в мешке с этим доброжелателем прямо при всех?

– Да, при всех, посреди голой степи. Было холодно.

– Так как же его звали?

– Говорила же, что не помню. Забыла. Помню, что сильно мёрзла, а с ним было тепло. По необходимости залезла в спальник.

– Да что же там за экспедиция такая, направили в поле без спальника.

– Ну, это же была последняя скважина, работы завершались. К тому же самой мне надо было позаботиться о себе, потребовать спальник. Но случилось так, как случилось.

А потом уже в посёлке мы снова встретились с радистом, хотя встреча не предвещалась. Муж тогда увёз сына к своим родителям, и я была одна. Тут уж мы с моим старым другом, да ещё в домашних условиях, оторвались «по полной». Он был старше меня порядком, лет на двадцать. Высокий, видный. Тогда-то я и разглядела его как следует. Пенис у него был большой, и сам он был опытный в этих делах. Ночами мы наслаждались от души. Тогда-то, наверное, я и залетела, забеременела вторым ребёнком. А хилым он был, потому что я пыталась избавиться от беременности, принимала разные снадобья. К счастью, к концу школы парень вытянулся, возмужал, и уже не производил впечатления заморыша.

Когда я работала в Голодной степи, понравилась одному прорабу, звали его Эдик. Он мне тоже был не безразличен, но был женат, имел семью, детей. Мы с ним встречались на

окраине посёлка, на какой-то базе. Поспешно занимались прелюбодеянием и разбегались. Он был ласковый, но очень боялся своей жены и избегал огласки.

Вскоре я решила поехать в областной центр и определиться дальше. Там намечались большие работы, и можно было рассчитывать на постоянное жительство. А пока что я была в полевой партии. Выбрав подходящий момент, захожу к руководству, начальником был узбек, и объясняю, мол, так и так: близкие мои родственники живут рядом с городом, свекровь моя может водиться с детьми, пока я по полям езжу, – отпустите меня. Подаю заявление. Он прочитал, внимательно оглядел меня и говорит: «Подписать можно, но при условии, если ты встретишься со мной». «Где? – спрашиваю я, – мне надо срочно уехать». «Приходи в перерыв в общежитие, знаешь, где я живу?». «Знаю», – ответила я. В обед только зашла в общежитие, он выходит навстречу и затаскивает меня в комнату, прислоняет к косяку, с нетерпением сдирает трусики, и стоя овладевает мной с бешеной страстью. Всё происходит стремительно быстро. Я подала заявление, он подписал, и я вышла. Правда, соседка засекала, когда я выходила. Но мне было уже всё равно. Вскоре я уехала. Потом через много лет, когда я уже жила и работала в городе, узбек приехал с отчётом в управление, и мы увиделись. «Может, встретимся?» – предложил он.

« Не хочу, – сказала я, – к тому же негде, и я не свободна»

Тогда у меня уже родился третий ребёнок, я получила квартиру, и мои полевые скитания закончились, а с ними прекратились и любовные шалости. Настал момент, когда я и мужа перестала допускать к себе – купила две кровати и отселила. Поначалу он бесновался – набрасывался с кулаками, я убегала к соседям. А потом сказала: «Если не нравится тебе такое положение, можешь проваливать отсюда на все четыре стороны». На что он ответил: «Я уйду, но если ты предоставишь мне отдельное жильё, то есть квартиру». – Хорошо придумано, – говорю ему, – но на квартиру ты денег не заработал, у тебя их порой на бутылку-то не хватает. К сожалению, и у меня тоже нет денег. «Тогда, заткнись, – заорал он, – и не заикайся о том, что я должен уйти!» Так и жил рядом до конца своих дней.

– И что же, у тебя больше не было мужиков? – изумился Игорь, – прошло, поди, больше сорока лет? Сомнительно столь длительное воздержание после бурных походов.

– Не в том дело, – ответила Лина, – я, конечно, замечала неравнодушные взгляды мужчин, окружающих меня на работе. Но там было всё на виду. Нас сидело много в комнате. В основном женщины. Дело в другом. Я перестала вообще думать о мужчинах. Отошла как-то от общения с ними. Были праздничные вечера, где обычно совершаются подобные «шуры-муры», но я не оставалась на них. С «субботников», где тоже были «запретные» контакты, особенно в конце ме-

роприятий, я тоже уходила сразу домой. В общем, замкнулась. А потом семья: ведь у меня было трое детей, ещё приехала мама, и стала жить с нами. К тому же, не забывай, рядом был муж-алкоголик, который очень даже сильно отвлекал от «светских» и других увлечений. Нередко я удирала с синяками от него к родственникам и соседям. Так что всё было, как говорится, «остаканено».

– Хотя, вру, – спохватилась Лина. – Не может человек жить без ласки, нежности и вообще без «грёз и сладостных мечтаний».

Появилась у нас новая сотрудница, с которой мы когда-то учились в техникуме. После окончания она получила распределение в Сибирь, где и работала много лет в геологических организациях, там заочно окончила институт, а к нам пришла уже старшим специалистом. С прежнего места жительства она буквально сбежала к своей сестре от алкаша мужа. Видно, достал её так, что и вспоминать о нём не хотела. Вот она-то и стала предметом моего обожания. Я смотрела на неё и всё сильнее располагалась к ней. Меня тянуло к ней, как когда-то к еврейской девочке, с которой училась в школе. С Тамарой столы у нас стояли впритык, к тому же работали мы на одной «теме». С мужьями у нас тоже были похожие проблемы. Как-то остались мы в комнате одни, я обогнула её стол, склонилась над ней, обняла и коснулась губами её волос. Мой душевный порыв Тамара восприняла спокойно и доброжелательно. После этого мы ещё сильнее

внутренне сблизилась. А потом она пригласила меня к себе домой, и когда мы присели на диване, я обняла её и поцеловала в губы. «А что будет дальше?» – спросила она. «А ничего», – ответила я, и мы засмеялись, а потом снова обнялись. С тех пор нам, когда мы находились вместе, было спокойно и хорошо. Внешне симпатия наша проявлялась при встречах объятьями с поцелуями, а внутренне полным взаимным пониманием. Хотя, когда у неё появился ухажер, я неожиданно для себя, её заревновала, и не сразу смирилась. Зато, когда они поженились, я стала их верным другом».

Из записей Игоря Юльевича

«Опять посетил церковь. Любуюсь, как она постепенно преображается, превращаясь из скромной церквушки в красивый православный храм. Уже установлены пять позолоченных куполов (большой – в центре и четыре малых – по сторонам света) и рядом пирамидальная колокольня. Сверху традиционные кресты. Всё это в духе древнего зодчества. Внутри церкви просторный молебный зал, пока ещё не расписанный картинами из священного писания, но уже есть алтарь, за которым служит священник, и по бокам иконы с образами святых угодников. До недавнего времени службы проходили в полуподвальном помещении.

Нравится мне приходить сюда, в нашу церковь. Никто не пристаёт к тебе (не то, что разного рода сектанты) и не

побуждает совершать обряды, к которым ты ещё не готов, не вполне созрел. Здесь ты, если хочешь, можешь посещать службу, а то и просто постоять перед алтарём или поставить свечку у иконы. Тишина и доброжелательность окружающих навевают покой и благодать, поэтому из храма выходишь всегда умиротворённый.

Перед тем, как зайти в храм и помолиться, я посетил церковную лавку, и обратился к служительнице с вопросом, не могла бы она мне указать, в каком евангелии сказано о блуднице, которую должны были закидать камнями фарисеи. Заглянув в электронный планшет, она тотчас удовлетворила мою просьбу, и я аккуратно записал в свой блокнот следующее:

Иисус, фарисеи и блудница

(Новый Завет, от Иоанна, глава 8)

Ст.4 – 11

4. Сказали ему: Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии;

5. А Моисей в законе исповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?

7. Он восклонившись сказал: кто из вас без греха, первый брось на неё камень.

9. Они же, услышавши то и будучи обличены совестью, стали уходить один за другим...

11. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.

Он и Она

Игорь, припав к Лине, сидевшей на диване, обнял её и начал говорить: – Лина, любимая моя, даже если бы тебя изнасиловали десять подонков, я не придал бы значения этому и ласкал тебя так, как сейчас это делаю. Наверное, так любил Иисус Марию Магдалину, к тому же я уверен, что за сорок лет своего воздержания, ты очистилась от этого срама совершенно. И я готов (да о чём я говорю?), ведь я уже тебя ласкаю всю-всю нежно и вожделенно. Ласкаю без всякого, даже тайного, внутреннего сожаления и раскаяния. Напротив, я готов проникнуть в тебя или вселить тебя в себя, соединиться с тобой всем телом и всей кровью своей. Я никого так искренне не целовал: ни жён, ни любовниц. Я радуюсь тому, что происходит со мной, и поражаюсь, что мне выпало такое счастье – любить тебя самозабвенно, и вопреки всему. Думается мне, что вот при таком-то взаимном обожании и должны люди жить парами.

Она: – Да откуда же ты взялся, родной мой, и за что мне радость такая?

Из записей Игоря Юльевича:

«Лина лежала на правом боку, а я на левом: мы были лицом к лицу. Её одна нога была снизу, а другая на мне. Я поглаживал её. Мы целовались. Уста наши то и дело соприка-

сались. Мы буквально всасывались друг в друга. Передыхая, я целовал её щёки, которые порозовели. Её голова лежала на моей левой руке, а правой я прижимал к себе её спину и талию. Иногда я высвобождался из объятий, привставал и, склоняясь, целовал её бёдра изнутри от колен и выше к смежению ног. Порой язык мой входил во внутреннюю промежность, ощущая влажную нежность сокровенности. «Игорёнок, – шептала она, – это необязательно». – Тебе что, стыдно? – вопрошал я. – Нет, не стыдно, милый мой, мне с тобой ничего не стыдно. Просто тебе это может быть неприятно.

А я ласкал её, произнося стихи:

Как хорошо безудержно пылать,

Забыв самоконтроль и пульс сердцебиения:

Смеяться, петь, печалиться, рыдать

В святом наплыве откровения.

Приподнимался и, приближаясь к её губам, заключал:

С любимой только

Можно так пылать!

– Родной ты мой, нет больше таких, как ты – нежных, ласковых, отзывчивых. Ты счастье моё, неожиданное-негаданное, – отвечала она, целуя мои губы, лицо, руки.

А я продолжал в ударе:

Кто ты? – Ты всё в одном лице:

Невеста, дочь моя, сестра и мама...

Моя любовь к тебе быть может травмой

Для близких и родных, как пуля во свинце.

«Спасибо тебе, хороший мой», – ворковала в ответ Лина.

А я не унимался:

Но я ласкать тебя и целовать хочу,
Лелеять, обожать, любить и нежить.

Ты мой мечтанный форт -

Тоска и безмятежность,

И вздох моей души – об этом и кричу!

...Так мы нежили друг друга, находясь рядом. Именно тогда я задумался над тем, как всё-таки щедро природа одарила человека: она наделила его любовной страстью. Животные, в отличие от нас, бывают тоже обуреваемы страстью, но только, когда охвачены инстинктом размножения. А страсть человека повседневна, или почти повседневна. Даже беременные женщины, нося в себе плод (казалось бы, выполняя прямое своё назначение), обладают потребностью в сексе. Отчего так? – думалось мне. – Да оттого, и это очевидно, что это щедрый Божий дар, отпущенный нам в радость, делая нас счастливыми. Вот и сейчас мы с Линой, нежно лаская друг друга, воспламеняемся, доходя до «святого» экстаза. После которого наступает благодатная нирвана, а потом и возрождение духа, освежая чувства. Какое счастье быть «страстно любимым»!

* * *

Вскоре, после того, как была пробурена скважина, я перевёлся в другое подразделение объединения, а потом и вовсе уехал на юг в другую экспедицию. Игорь Юльевич на годы

выпал из моего внимания.

Встретились мы с ним, когда я уже вернулся с экспедиции, на моём юбилейном дне рождения. Время было трудное, поэтому юбилей я справлял в домашних условиях. Игорь появился неожиданно с нашим соседом Вячеславом Анасьевым, с которым он работал в одной партии. Узнав о моём дне рождения и о том, что Вячеслав наш друг, Игорь изъявил желание повидаться со мной. Я тоже был рад увидеть его. Поначалу Игорь смущался, потому что среди приглашённых, кроме Анасьева, у него не оказалось знакомых, но вскоре праздничный стол и дружелюбное отношение сделали своё дело, Игорь осмелел, и, выбрав момент, произнёс очень уместный тост. «Я хочу прочесть стихи для женщины, – сказал он, – благодаря которой появился на свет виновник сегодняшнего торжества, они написаны были в горах, где я тогда работал, и называются «В Джунгарии»:

Всем существом своим хочу тепла,

В горах оно давно струится щедро,

Здесь пьёт его пахучая эфедра

И сохраняет древняя скала.

Но мне б сейчас домашнего тепла...

И убеждён я – с сединой уже мужчина, -

Что нет теплей родимого угла,

Где всё простят нам мамыны морщины.

– Душевное тепло всегда связано с домом, где живёшь, и, конечно же, с самым дорогим человеком – мамой. Предла-

гаю тост за женщину, которая подарила миру нашего юбиляра».

Моя матушка, обычно избегавшая весёлых застолий, сначала смутилась, но от добрых слов заметно просияла. А потом незаметно удалилась к внуку в соседнюю комнату.

Близкая подруга жены Алия очень любила стихи, и тотчас обратила внимание на автора стихотворного тоста. Вполне естественно стало и то, что в какой-то момент Игорь Юльевич, находясь рядом с Алиёй, читал именно ей с проникновением свои уже любовные строки:

Ты в глаза мне смотреть не стыдись,
Я был сам с тобой страшно уступчивый.

Обоюдная пылкая влюбчивость
Разве может не скрашивать жизнь?
Нет, не может не скрашивать жизнь!

Ты явилась неожиданно, как миг,
И склонилась податливо-нежная...

Отзвук милого, юного, прежнего,
Я к коленям твоим приник.

Я счастливый к коленям приник!

– Уже «счастливый» и уже «к коленям приник»? Ох, Игорь Юльевич, и быстрый же вы в вопросах любви скакун, – уколола его Алия.

– Аличка, грешен, грешен... читаю стихи, адресованные другой. Но, клянусь, посвящённые тебе, будут лучше!

...Близкие люди сидели до утра. Наступил момент откровенного раздумья. Игорю Юльевичу представилась ещё одна возможность проявить себя.

«Слишком много есть в каждом из нас

Неизвестных играющих сил», – задумчиво произнёс он. – Это слова Александра Блока, – и далее, ещё более интригуя, добавил: – В этой связи и у меня есть кое-что, если позволите, я прочту?

– Давай, давай, – откликнулась Алия, и её поддержали другие.

Я от ста наук стоглавым стал,
Я от ста идей – столик и стар,
Я надломлен, я истерзан, я измят,
А внутри меня вскипает жгучий яд.
Расплывается в глазах степной ковёр,
Распыляется в лучах седой ковыль,
Я не вижу родников – степных зеркал,
И не знаю, куда конь мой ускакал.
Я хожу в глухой степи совсем один
И не слышу чутких вздохов камыша,
И не вижу я безоблачную синь,
И не знаю, нынче степь как хороша.
Только мнится мне, что светлый небосклон
Потемнел от вороных ворон,
И карлает оголтело вороньё

Своё чёрное искусное враньё.

Я не в силах слушать песни твои, степь,

Не играй на тонких струнах ковыля...

Почему так – ты мне, степь-земля, ответь, -

Я один и не пойму себя?..

– Ну, прямо, какие-то пророческие стихи. Игорь Юльевич, вы пророк? Не пугайте нас, – отреагировала Алия. Все присмирели. А потом засобирались, и стали потихоньку расходиться.

Из записей Игоря Юльевича

«Раньше мы встречались с Линой днём у неё дома, когда её сын был на работе. Нас это очень устраивало. Но спустя три месяца сын лишился работы и находился теперь постоянно дома. Наши встречи стали происходить в основном на улице. Мы не могли больше ласкать друг друга, как говорит Лина – «голенькими». На дворе уже была зима, но наша взаимная «тяга» не ослабевала. Мы бродили обычно по парку и искали укромное местечко, где могли бы прижаться друг к другу и вдоволь хотя бы нацеловаться. О любовном комфорте остались лишь воспоминания. Даже не верится, что совсем недавно, когда мы встречались в квартире, нам вдруг взбрело в голову освободить свои интимные места от волосяного покрова. Сначала за дело взялся я. Постелив клеёнку

на диван и уложив на неё Лину, я щедро покрыл мыльной пеной её сакральные места, и бережно «смахнул» безопасной бритвой пушистые волосики с лобка, а затем и с прилегающих к нему мест. Всё получилось быстро и просто. Когда же дело коснулось меня, мои причиндалы затруднили процесс. Пришлось мне приподнимать свой «хоботок» рукой и придерживать, пока Лина орудовала бритвой, высвобождая мои коконы от поросли. После завершения процедуры мы пошли в ванную, где нежно омывали друг друга, целуясь под струями душа.

– Слушай, – неожиданно молвил я, – а ты могла бы поцеловать меня, куда я захочу?

– Запросто, – ответила Лина.

– Серьёзно?

– Ещё как, а ты сомневаешься?

– Не то чтобы сомневаюсь, просто не решаюсь указать тебе место.

– А ты решишь.

– Тогда договоримся так, – решил я, – пусть это будет доказательством твоего беспредельного обожания человека, который сейчас рядом с тобой, согласна?

– Я уже сказала.

– В таком случае, давай ещё раз освежимся под душем и пойдём на тахту.

На тахте я лег лицом вниз и приподнялся на колени. – Поцелуешь? – ещё раз спросил я. – Дурачок ты мой, конечно

поцелую, ведь я тебя люблю.

Она нагнулась и поцеловала туда, куда я указал.

– Доволен? – спросила она.

– Нет, не доволен, – сказал я, – теперь я тебя буду целовать, поверг её на тахту, повернул к себе попочкой и трижды чмокнул. – Вот теперь доволен! – произнёс я пафосно. А потом, неожиданно вспомнив эпизод из детства, захохотал.

– Что это ты? – удивилась Лина.

– Да я вспомнил свою няньку, – улыбаясь, ответил я, и пояснил. – Мне было лет пять. К нам пришла со своей мамой девочка Зина. Она мне казалась такой сказочной, такой красивенькой, к тому же у неё был с собой маленький деревянный сундучок с куколками. На Зину я смотрел зачарованными глазами, она мне казалась чудом. Мы играли, потом она куда-то исчезла. Я отвлёкся от куколок и кинулся её искать. Выскочил на кухню и неожиданно увидел Зину, сидящей на горшке, скривился и бросился назад. «Что с тобой?» – увидев мою недовольную рожицу, спросила нянька. Я ответил: «Фу, да там Зинка сидит на горшке». «Ну, и что?» – удивилась нянька. «Как что? Это же противно!» Нянька засмеялась: «Смотри-ка, какой брезгливый. Ничего, ничего, подрастёшь, влюбишься, и ещё в попу целовать будешь свою Зинку, или как там её будут звать». – Тьфу – тьфу, не буду целовать, ещё чего не хватало?! – возмутился я, а сам только что поцеловал тебя туда, куда предсказала нянька. Теперь уже мы с Линой расхохотались.

– А ведь мы с тобой на самом деле: Адам и Ева, – оба наги и не ведаем стыда, – сказала Лина».

* * *

Позже я встретился с Игорем Юльевичем уже в горах. Мы проводили инженерно-геологические исследования в селеопасном районе, прилегающем к высокогорному озеру. Сели, хотя и тесно связаны с коварными землетрясениями, но, по крайней мере, их можно предвидеть и предсказывать, где и когда они возможны, так как зависят зачастую от внешних климатических условий таких, как таяние ледников в жаркое время и обилие дождевых осадков, когда потоки вод провоцируют подвижку рыхлых накоплений. Этими-то отложениями и занимались специалисты нашей группы исследователей, в числе которых был я.

Мы арендовали два вагончика у географического общества, они располагались на огороженной территории среди других строений ниже озера. Недалеко от нас в верховьях ущелья находилась космостанция. Оттуда-то и спустился совершенно неожиданно ко мне Игорь Юльевич. Нам повезло, мы оказались одни, и могли от души побеседовать.

– А я тебя, Юра, увидел в бинокль с высоты. Ты находился выше озера среди осыпей и что-то записывал. Я понял, что ты где-то рядом находишься, и, выбрав момент, спустился разузнать, что к чему. Сам я временно пристроился на станцию в качестве хозяйственного работника, и буду здесь

безвылазно до зимы. Знакомый приятель меня взял к себе в подсобники. Наша-то партия «новой техники» ликвидирована.

– Да, Игорёк, тебе повезло, сразу вышел на меня. Я ведь случайно затормозился здесь, сейчас наши в верховьях, их на вертолёт доставили на точку, а я подвернул слегка ногу и меня оставили, не рискнули взять. Сажу на радию совсем один. Три раза в день выхожу на связь. А на осыпях, где ты меня узрел в бинокль, я делал зарисовки. Мы определяем процентное соотношение обломков разных фракций на участках их скопления с помощью специальной сетки.

Я вынес из вагона два походных стульчика и поставил у флигеля, который располагался среди просторной поляны.

– Садись, брат Игорь, – предложил я, – сейчас подогреем тушёнку, вскипятим чаёк с горной душицей, и побеседуем. У тебя время-то есть?

– Есть, могу побыть до темноты.

Я развел огонь, поставил на железные прутья сковороду с тушёнкой и чайник.

А рядом походный чайник -

Старинная с накипью медь:

Шумит, как наш начальник,

Лишь бы шуметь,

– произнёс Игорь.

– Что, стихи слёту? – спросил я.

– Да нет, когда-то давно в нашей геологической ведом-

ственной газетке опубликовали моё стихотворение, а рядом стихи другого автора, имя его я запомнил, а строчки отложились. Вот так, оказывается, талантливые стихи бегут впереди автора, открывая путь к имени. – Тут взгляд Игоря задержался на краю поляны. – Вот она, и здесь появилась, – указал он на кошку, которая остановилась, уловив запах тушёнки. – Когда шёл сюда, она пересекала тропу.

– А- а, это знакомая нам – Кукошка, географы её так зовут. Каждые три месяца подкидывает своих слепых котят, и пропадает, географы их выкармливают и не знают, куда девать. Настоящая кошка-кукушка. Хорошо, что отдыхающие приезжают к озеру с детьми и забирают. А вот котов я здесь не видел.

Мы сидели у костерка, а впереди зеркальное озеро отражало отвесные склоны, покрытые кустарником и одинокими елями. Восточный склон был скалист, а под ним было скопление тех самых осыпей, на которых Игорь Юльевич увидел меня в бинокль с метеостанции.

– Вот стоит ель одинокая, а какая пушистая. Нет, наверное, нигде таких роскошных елей, как у нас, – проговорил с восторгом Игорь.

– Это верно, – не удержался и я. – Бывал я и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и в Центральной России – нет там таких елей. Там ветки еловые, как ободранные волчьи хвосты, а у нашей тьяншаньской ели – ветки густые и пушистые, как мех чернобурок. Соткёт же природа такую волшебную

душисто-пушистую вязь...

– Слушай, Юра, тогда у тебя на дне рождения я так и не узнал, вскрыла скважина золото или нет?

– Не напоминай, Игорёк, об этом. Шахлара видеть не могу, и не здороваюсь, хотя живем в одном доме. Ведь он, пока я ночью прикорнул, велел сменному мастеру бурить, как обычно, пневмоударником, не используя шламовки с коронкой. А чуть свет уехал в город. Девять метров проскочили без керна. Я собрал всю пыль, но анализ был отрицательным. – Сколько раз, – продолжал я возмущаться, – я пытался завести дружбу с буровиками – бесполезно. Ещё когда начал работать, они хотели меня завербовать, раскрывая секреты халтуры. «Юра, – нашёптывали они, – ну кто узнает, бурилась скважина или нет, нарисуй её на бумаге, а деньги поделим пополам». Всякие варианты предлагали: то категории завесить, то метраж прибавить. А чуть зазеваешься, норовят надуть, используя мою слабость – веру в дружбу людей. Я, когда начинал работать в геологии, сразу решил для себя – быть верным профессии, потому что понял главное, если я совру, то те, кто пойдут после меня, могут пройти мимо чего-то очень важного, что таится в недрах.

– Видишь ли, Юра, буровикам платят за погонные метры, вот они и изошряются, чтоб заработать. Тут оценка работы должна быть другой.

– Да, ладно, Игорёк, разнылся я перед тобой. Как твоя поэзия? «Как твоя Эрато?» – спросил у меня однажды старый

геолог с подвохом, думая, что я не знаю, что Эрато – это богиня поэзии.

– А ты знал? – спросил Игорь.

– Да нет, конечно, – засмеялся я. – Мне казалось, что Муза – богиня поэзии.

– Ну, вот и хорошо, теперь и я узнал, – сказал Игорь. – Находясь здесь в горах, у меня появилось стихотворение, могу и прочитать, ещё совсем свеженькое, ты будешь первым судьёй, внемли:

Курит Алатау туманом,
Вуалью укутан рассвет -
Нас в дали загорные манит
Таинственно-радужный свет.
Зазывно сияние красок,
А розовость будит мечты.
Что было – не стало напрасным,
Что будет – поймёшь с высоты.
И в общей сумятице мира,
Дай Бог, что б совсем не угас
Зовущий от дел суетливых
Рассвет, исцеляющий нас

.

– Я ведь так и не передал тебе свои обзоры поэтической почты, которые тогда на буровой обещал, можно было тебе их дать на дне рождения, но мне не пришло в голову, а ты так был увлечён Алиюшей, что тебе было не до них. Что касается

этих стихов, то ты, как всегда, верен себе, они таят в себе философское осмысление. Не плохо. Дерзай, буду рад ещё услышать от тебя что-нибудь, – отвечивал я.

Подошло время, и Игорь Юльевич исчез в наступающей темноте так же неожиданно, как и совсем недавно возник.

Он и Она

Игорь и Лина теперь часто прогуливались по парку, вынужденные приспособляться к любым условиям, лишь бы быть вместе. Шло время, но взаимное влечение вопреки всему усиливалось, не смотря на изменившиеся обстоятельства. В этот зимний солнечный денёк в парке пока ещё не много было народу, в основном мамыши со своими чадами: маленькие детки дремали в колясках, а которые постарше – прыгали вокруг, цепляясь за мам. Посетители в основном собирались вокруг вольеров, где содержались птицы – павлины, касарки, диковинные куры, утки – и домашние животные – барашки, козы и пони; дети с интересом разглядывали их и кормили хлебом, яблоками и зерном. Остальная территория была почти безлюдна.

Пожилые влюблённые присели на одну из лавок перед летней эстрадой, здесь, кроме них, никого не было, и они могли позволить себе, наконец, прижаться друг к другу. Игорь Юльевич усадил себе на колени Лину, и, преодолевая многочисленные одежды, проник рукой в паховую часть своей возлюбленной. Сначала он нежно поглаживал и по-

щипывал волосики на лобке, а потом увлёкся и, раздвинув губки её «розочки», углубился пальцем во внутреннюю нежность, чуть придавливая заветный бугорок, который влажнел и слегка набухал. Это возбудило Лину. Игорь, целуя её лицо и губы, ещё сильнее воспалял её. Она начала интенсивно содрогаться, тяжело дышать, постанывать, и вошла в экстаз...

Потом они нашли укромное местечко внутри пустующего в тот день торгового лотка. Лина села на лавочку, Игорь встал рядом, резким движением молнии она освободила из брючного плена его «шалуна», и тот оказался у неё во рту. Игорь, пригнувшись, поцеловал Лину сверху в макушку, и, прижав её голову к себе плотнее, стал делать ритмичные телодвижения, возбуждаясь сильнее и сильнее, пока не исторгся из него «нектар».

Но самые лучшие для них праздники наступили, когда сын Лины уехал отдыхать на море, и они, наконец-то, смогли остаться одни и располагаться дома на тахте «голенькими».

Игорь, хотя и легко возбуждался, но был уже импотентом. Пенис его хорошо надувался, увеличивался, но в нём не хватало крепости напряжения – «столбняка». И поэтому его натиск не имел надлежащего успеха, он прогибался перед самым входом в сладостное место, и Игорь уже подумывал, как сделать каркас-протез, чтобы в нужный момент его «мерзавец» находился в «напряжении». Но Лина неожиданно как-то приспособилась «поддерживать» его пальцем в заданном

направлении, и тогда случался высший восторг, с придыханиями и стонами, которые вылетали из груди возбуждённого самца. Естественно, Лине тоже хотелось, чтобы головка «живого гриба» находилась в её «розовой розочке». Приятно ей было даже тогда, когда они просто отдыхали друг на друге, а тот находился внутри неё и между ними...

– Слушай, девочка моя, – сказал ликующий Игорь, – я заметил, что твои груди увеличиваются. Раньше возбуждались только сосочки, а теперь мои руки ощущают возросшую упругость.

– Не выдумывай, – ответила Лина, смеясь,

– Точно тебе говорю, и я даже знаю, отчего это происходит.

– Ну, и от чего?

– А оттого, что моя амброзия, которую мы называем «нектаром», попадает внутрь тебя.

– Как это?

– Да хоть как, хоть через уста, хоть через «нижние врата».

– Выдумываешь?

– Не выдумываю, а знаю. Вернее, предполагаю.

– Поясни.

– Я, например, знаю, – продолжил Игорь, – что когда у женщин появляются в грудях какие-то отдельные уплотнения, врачи им советуют чаще заниматься сексом, чтобы мужские гормоны поступали в организм. Это я случайно услышал.

– А я причём?

– Притом, что в тебя тоже поступает приток моих гормонов. Не важно, каким путём. Я же чувствую, как наполняются животворной силой твои груди. Веришь, или не веришь, но это так. Так что, солнышко моё, люби меня, и радуйся этому вместе со мной.

Телефонный разговор

...– О тебе только и думаю с утра до ночи: «Игорёшечка, – шепчу, – позвони, позвони... а лучше приди сам, скучаю по тебе, родной, люблю... и жду», Свернулась бы около тебя, как кошка, и лежала бы, прижавшись к тебе. А как охота мне лежать на тебе голенькой?!

– Линочка, хочу тебя, – тотчас откликнулся Игорь.

– И я хочу. Соскучилась по тебе, родной мой, и по твоему пенису, моему маленькому дружку, ласкала бы тебя и его бесконечно.

– Тогда, солнышко моё, не будем мучить друг друга. Наша экзальтированная страсть дошла до того, что мы можем сблизиться на расстоянии. Попробуем это сделать по телефону.

– Как это?

– В каком ты сейчас положении? Ты лежишь на тахте?

– Да, да, я в постели, и как всегда, одна в комнате.

– Я тоже на кровати, и, к счастью, совершенно один. Слушай теперь внимательно. Нежно раздвинь свою «розочку»

и медленно вводи средний пальчик, поглаживая входное местечко, пока не выступит влага. Нащупай холмик и слегка массируй, он начнёт вытягиваться, наполняться и увеличиваться. Поводи из стороны в сторону. Чувствуешь? Родная моя, я говорю тебе, а сам загораюсь. Вижу тебя, ощущаю и люблю, сладкая моя. Как ты? Почувствовала?

– Да начинает влиять. Я слышу твоё дыхание. Ты что уже завёлся?

– А ты?

– Мне тоже становится хорошо.

– Ну, давай вместе. Я уже воспалился. Меня потрясывает, начинается дрожь. Давай быстрее, милая моя. Я уже не могу, я на грани. Как ты?

– Я? У меня трусики повлажнели. Мне хорошо, родной мой.

– А я не могу уже. Из меня выходит вулкан. Струя извергается, эякуляция, понимаешь?

– Не понимаю, а чувствую.

– Всё, всё. Дыхание замирает, сердце выскакивает из груди! О-ох, не могу... родная моя, сладкая, любимая, нежная, пылкая, о-ох!...

А чуть позже Игорь спрашивает; – Ты-то как?

– Ну, было приятно. Повлажнело всё. Получила удовольствие, но не так, как ты там. Вот если бы это ты мне делал, будучи рядом, я бы, наверное, подпрыгивала лёжа.

– Надо же, как мы чувствуем друг друга. Скоро, наверно,

телепатически будем кончать. Говорят, Гоголь возбуждался мысленно до палюции.

– Откуда ты знаешь?

– Сам не знаю, где-то слышал. Но оставим Гоголя. Только мы с тобой, родная, сейчас и всегда, хоть вместе, хоть на расстоянии. Но с тобой.

– Игорёчек мой, фантазёрчик нежный, я лежу и представляю тебя рядом с твоим грибочком внутри меня. Хочу целовать его, маленького моего дружка, притомился, небось, после извержения.

Из записей Игоря Юльевича

«Ты дала мне возможность ощутить до конца, ощутить полностью всю тебя реально, осязать в любви твоё тело, восхищаться им и проявить своё очарование совершенством женщины, уникальностью её внешних форм и внутренней силы. Безотказность твоя обогатила меня чрезмерно.

Я не выхватываю плотоядным взглядом из толпы юного поколения молодых красоток, что, может быть, в определённый момент и присуще борзеющим старичкам. Напротив, мне нужна чуть перезревшая осенняя ягода, она мягче, значительно слаще той, которая переполнена соками роста, норовящими брызнуть в пространство так, что порой сама срывается с ветки на землю, и растворяется там, так и не постигнув прелести своего назначения.

Мне нужна ты, моя ягодка Лина, только ты. Мне нравятся твои ножки выше колен, они нежны и слегка рыхловаты. Я могу их не только касаться, но и осязать, гладить, похлопывать и вбирать в ладонь. Я поглаживаю их, тянусь губами, целую, и прижимаюсь щеками к бёдрам, обнимая обе ноги сразу. «Мальчик ты мой, необыкновенный, любимый и родной, да кто бы меня ещё так ласкал и называл самыми чудесными словами?» – говоришь ты.

... Лина страстная женщина, и когда я ей делаю «ручной» эротический массаж, она воспламеняется так, что я, боясь переусердствовать, слежу за её сердцем и редко довожу её до настоящего экстаза. Она тоже себя сознательно затормаживает. «Ох, как хорошо, тебе бы так, милый, наверно, не надо больше, боюсь, что сердце не выдержит, но как хорошо!», и я осторожно на этот раз всё-таки продолжаю. Наконец, Лина громко выдыхает: «Потекло!» и расслабляется. Промежность её влажнеет от извержения и становится липкой. Нежность заполняет меня и тяга любви, потому что она приятна мне, она «своя», и я для неё «свой»...

...Только встречают меня твои морщинки на лице, а, уходя, я вижу, как щёки твои алеют, лицо разглаживается. А искорки любви в твоих глазах вселяют радость от встречи и полученного любовного заряда.

...Ты говоришь: «А если бы кто увидел нас сейчас, что подумал?» И сама отвечаешь: – Кому, какое дело? Мы любим друг друга, и не обязаны впускать каждого туда, где нам

всегда хорошо, чтобы мы ни делали, и как».

* * *

В стране произошли неожиданные для многих людей перемены. А если сказать больше, то и самой той страны, которая была – не стало. Огромная линия границы в одночасье разорвалась на отдельные отрезки, которые потом сомкнулись каждая сама по себе, замыкая схваченные впопыхах пространства. Родина для всех сузилась до размеров региона, в котором ты оказался. Некогда централизованная система геологической службы распалась, а потом и вообще исчезла. Отдельные виды работ, связанные в основном с извлечением ценных ископаемых, перешли в частные руки новоиспечённых предпринимателей и авантюристов, готовых народное богатство продать за бесценок, кому угодно, включая иностранцев, лишь бы сиюминутно лично обогатиться. Теперь геологов можно было встретить где угодно, только не в местах профессиональной деятельности.

Я шёл по одному из рядов барахолки, и вдруг в стороне мелькнуло знакомое лицо.

Приглядевшись, я узнал Игоря Юльевича. Он тоже меня заметил, и, подняв руку над головой, сделал знак, что видит меня, хотя тотчас свернул в ближайший проход между рядами. В руках у него была домашняя телевизионная антенна в виде большой тарелки. Я понял, что это его изобретение, которым он торгует по рядам. Завидев меня, вероятно, сму-

тился и постарался скрыться. Не знал Игорь Юльевич, что и меня постигла такая же участь, и что не далее, как через дорогу, и я торгую кожаными изделиями, только не своими собственными, а работаю на хозяина из бывших геологов, только оказавшегося более удачливым.

Главный инженер партии «новой техники» Вячеслав Анасьев тоже стал предпринимателем – ИП. Он уже занимается шино-монтажными работами в арендованном вагончике на СТО. Я встретил его, и поинтересовался судьбой Игоря Юльевича, которого мельком увидел на базаре. «Мы перезваниваемся с ним, – сказал Вячеслав, – недавно Игорь предложил мне поехать в горы на заготовку веников, которые он готов продавать».

Я захотел узнать подробности и пригласил Вячеслава в буфет выпить по кружке пива.

– Каким-то странным показался мне Игорь Юльевич, – начал разговор я. – Он будто сторонится меня, буквально уклонился от встречи на барахолке. Что с ним происходит?

– Многое что с ним произошло, – ответил Вячеслав.

– Понимаешь, – перебил его я, – в сущности, я ведь ничего про Игоря не знаю. Когда мы встретились впервые на буровой у Шахлара, мне казалось, у него всё в порядке, и на меня он произвёл отличное впечатление: геолог, шахматист, поэт – очень интересный перспективный специалист.

– Так оно и было до тех пор, пока в их семье не случилась беда. Сын в старших классах связался с наркоманами, по-

пался с торговлей наркотой, и угодил на два года в колонию. Жена – школьный учитель математики – не перенесла позора, ушла из школы, запила. Сын освободился, и взялся за прежнее, в конце концов, от передозировки скончался. Жена обезумела от стыда и переживаний и попала в психиатрическую больницу, где, каким-то образом, раздобыла снотворных таблеток, и, наглотавшись, свела счёты с жизнью. Игорь оказался в прострации. Живёт, как неприкаянный. Хорошо хоть старшая дочь с семьёй вернулась из-за границы, и он находится с ними.

Он и Она

Игорь и Лина прогуливались на широкой прибрежной террасе, где вдоль аллей были расставлены деревянные скамейки, на которых отдыхали посетители, наблюдая за молодёжью, занятой на спортивной площадке. Внизу у самой речки было огорожено небольшое заведение с экзотическим названием «Бунгало», где можно всегда полакомиться мороженым или съесть шашлык. В выходные дни работники с ипподрома сюда пригоняют лошадей, катают детей на «тройке с бубенцами» и обучают верховой езде. Зимой посетители весело катаются с горки на санках, а летом берут напрокат велосипеды и гоняют вдоль речки до самой плотины и обратно. В общем, местечко достаточно оживлённое, а так как находится на окраине города, то и экологически чистое. В последнее время пара частенько заглядывала сюда. Сейчас

они ушли подалее от людных мест и расположились на скамейке, откуда открывался вид на горы. Правда, сегодня горы казались приземистыми, и линия профиля вычерчивала только ближайшие возвышения, а далее дымка, хотя и была светлой, скрывала и растворяла величие отдалённых громад с ледниками и изумрудной зеленью.

Сначала Игорь и Лина сидели, придвинувшись вплотную, и согревали дыханием друг другу руки. Потом шаловливая рука кавалера «сквозь дебри» одежд своей милой спутницы проникла до самых бёдер в знакомое местечко с шелковистой порослью волосиков. Эти заповедные места были для него самыми эротическими, возбуждающими его воображение. Он любил их целовать, когда они были оголёнными.

Руки Лины тоже не бездействовали, они машинально вскрыли молнию джинсов, и одна из них произвольно потянулась к пенису. Сначала тот оказался маленьким и вялым. «Ах ты, шалунишка, – ворковала Лина, – забыл обо мне? Ничего, ничего, сейчас проснёшься, твоя Фея тебя поднимет». И головка «шалуна» надувалась, а стерженёк вытягивался, постепенно увеличиваясь в размерах. «Ага, проснулся, мерзавчик? А ну-ка, где ты там?» Она наклонилась и поцеловала головку. Так они нежились, и было им приятно.

– А знаешь, почему наша «лодка любви не разбилась о быт»? – заговорил Игорь Юльевич, – Потому что мы не подвержены бытовой суете: и ты, и я встречаемся только для любви. Мы не готовим обеды, не стираем бельё, не занима-

емся уборкой жилья, и не выносим мусор. Мы не раздражаемся бытовой суетой, не ругаемся по мелочам. Ты понимаешь меня, Лина?

– Ещё бы. То есть, бытовые проблемы мы решаем каждый сам за себя, Но ведь это хорошо, Игорёк?

– И всё-таки, Линочка, нам не хватает взаимности, мы всё время скучаем друг без друга, тоскуем и рвёмся навстречу. И у меня появилась идея, изменить образ жизни.

– Это уже что-то новое, давай, говори, мой мудрец-Игорец.

– Мы должны соединиться с тобой, расстаться со своими близкими, не претендуя на недвижимость.

– Как это?

– А вот так, уходим без претензий на свою долю квадратных метров. Ты оставляешь всё сыну, а я дочери. Мы не должны менять их образ жизни. Надо уйти тихо и с любовью в душе.

– Куда же мы уйдём «тихо и с любовью в душе»?

– Недавно я видел по телевизору, как в доме престарелых выделили комнату двум пожилым «молодожёнам». После регистрации они стали жить вдвоём в отдельной комнате. Такие браки там приветствуются. И мне пришла идея обосноваться и нам с тобой там. Только надо попасть туда по отдельности, а потом официально пожениться. А что нам надо? Во-первых, мы будем под присмотром, во-вторых, нас будут лечить врачи в случае недуга. Я думаю, что нас охотно

туда возьмут, ведь у нас хорошие пенсии, мы не будем материальной обузой. Зато всегда будем вместе, и бытовые проблемы нас не особо коснутся. Подумай об этом, Линочка, и если ты не против, начнём продвигаться дальше в этом направлении. И дети не будут в обиде.

Вскоре и новые обстоятельства подвигли их серьёзно задуматься об изменении образа жизни. Чаша терпения незадачливых влюблённых переполнилась, когда они однажды, уединившись в, казалось бы, укромном, затенённом деревьями местечке, ничего не опасаясь, безмятежно ласкались и нежились. Вдруг Игорь заметил направленный на них из кустов объектив фотокамеры. Фокусировал её весьма увлечённо с ухмылкой на лице нагловатый парень, побуждаемый, вероятно, «болезненным» (иначе не назовёшь) любопытством. «Слушай, – тревожно прошептал Игорь, – за нами следят. Давай немедленно исчезнем с этого места». Всполошился и папарацци: оглядываясь и вызывающе улыбаясь, он бросился прочь, чтобы потом в одиночку или, скорее всего, с друзьями, подобными ему, «смаковать» увиденное и тешить себя эротическим вожделением. Иначе, зачем ему понадобились два далеко не молодых, явно малообеспеченных пенсионера, шантажировать которых не имело смысла.

Телефонный разговор

– Ты же знаешь, что мне неймётся, если пришла какая-ни-

будь идея в голову, – говорил возбуждённо Игорь в телефонную трубку, подняв чуть свет своим звонком с постели Лину.

– Что случилось, Игорёшек?

– Да я же на днях поставил своих близких в известность, что хочу уйти в приют. Реакция оказалась неожиданной.

– Говори, говори.

– Дочь буквально взбеленилась: «Ты, говорит, в своём уме? Ты за кого нас принимаешь? Или ты думаешь, для меня мало было потерять брата и мать? Ты хочешь, чтобы мы и тебя лишились?» «Доченька, говорю я ей, ведь для вас будет лучше, и мне спокойней». «Как «спокойней», ты же с чужими людьми будешь жить?»

Тут я раскрылся: «Я буду жить с любимой женщиной, с которой у меня нет возможности встречаться так, как мне желательно. Кстати, у неё такая же ситуация, она живёт с сыном, и тоже не хочет его обременять, не претендует на жилплощадь. А в приюте мы объединимся, и всем будет хорошо».

Дочь очень обиделась, но задумалась. А через день говорит: «Я поняла тебя, обещаю, будет вам комната для встреч, но в приют ты не пойдёшь». «Как это понимать?» – спрашиваю, – «А так, – ответила она, – я уже изучила объявления, и решила: продадим нашу квартиру, хорошо, что она в центре, и купим равноценную для нас на окраине, а для тебя приобретём комнату в доме общежитского типа. Там вы будете встречаться со своей возлюбленной. Я понимаю тебя, те-

бе нужно общение и даже, что вполне допустимо, нужна любовь. Ведь ты у нас ещё «ого-го»... Если захочешь, будешь жить, как прежде, вместе с нами, и встречаться со своей любимой там. А удалить тебя в приют, я никогда себе не позволю, и не прощу себя, если такое случится, понял? – резко спросила она и добавила: – Запомни, ты нам не чужой!»

И я, Линочка, заткнулся. Однако, какова же её реакция?!

* * *

Настало время, когда обстоятельства и меня побудили приспособиться к реалиям жизни и превратиться в предпринимателя, предварительно сменив лучшее жильё на худшее. Разницу от сделки я пустил на приобретение контейнера на барахолке. И теперь, превратившись по старым понятиям в «спекулянта», а по новым в «ИП» – индивидуального предпринимателя, я имею свою торговую точку. У меня даже появилась фотография, где я по внешнему виду очень смахиваю на послевоенного нелюбимого народом «барыгу».

Игорь Юльевич исчез с моего горизонта, но, как оказалось, не совсем. Напомнил о нём Вячеслав Анасьев. Он позвонил мне и сообщил ужасную весть о том, что у Игоря обнаружен рак лёгких. «Он несколько месяцев, пока были деньги, лежал в платной больнице, за ним был соответствующий уход, а теперь его выписали. Он живёт сейчас в общежитском доме, у него там комната, – сказал Вячеслав, – я недавно был у него, завозил кое-какие продукты. А теперь Игорь просит, чтобы я тебя привёз к нему. Очень хочет

встретиться с тобой. Давай, Юра, уважим друга, съездим к нему». И мы поехали.

Комната находилась на четвёртом этаже. Игорь лежал на тахте, одет был в трико и пуловер. Внешне он не походил на «обречённого». Лицо его не было худым и сизым, которое мы обычно видим и представляем у больных с таким диагнозом. Комната, хотя была небольшого размера, казалась довольно уютной. Внутри было всё необходимое: душ, туалет, два плательных шкафа по углам, холодильник, телевизор и кухонный уголок. На окнах висели приличные шторы, на полу у тахты лежал небольшой «натуральный» коврик, над столом висела репродукция осеннего пейзажа Левитана – чувствовалось, дочка позаботилась об уюте.

– Юра, спасибо, что появился, – сразу же обратился ко мне Игорь, – хочу передать тебе свои последние записи. Выбросить в урну – жалко, оставить там, где всё останется – бессмысленно. Они слишком эксцентричны, не вписываются в общепринятую модель. А тебе, я уверен, пригодятся, как побочный материал к рассказу.

Тут уже Вячеслав обратил на себя внимание: «Игорь, – сказал он, – если позволишь, я, пожалуй, удалюсь, тем более у вас есть о чём поговорить».

– Да. Да, Слава, спасибо за заботу, за продукты и фрукты, конечно, можешь идти, только я должен сказать вам, что меня определили в хоспис, завтра медсестра увезёт меня отсюда в онкологическую больницу. Я позвоню тебе, Слава. Спа-

сибо за всё, и за то, что Юру доставил ко мне. Это очень важно.

Вячеслав ушёл, Игорь, не тратя времени, протянул свёрток рукописей и заговорил: – Юра, пойми правильно, это мои исповеди последних лет и дней, самых счастливых дней в моей жизни, с которыми я не могу не поделиться с тобой. Речь идёт о невероятной любви, в которую мне довелось окунуться, и быть по-настоящему счастливым. Впрочем, ты это поймёшь из записей. А теперь, главное: Лина, о которой говорится в моих откровениях, ушла в другой мир почти у меня на руках вот здесь, в этой комнате. Я должен был показать ей, где мы сможем всегда находиться вместе, пригласил её сюда впервые. Она подошла к подъезду, где я должен был открыть дверь домофона и встретить её. Я немного замешкался, и она, обнаружив, что дверь открыта, решила подняться сама. Тут я выхожу из комнаты и вижу, что Лина у самой моей площадки полулежит, ухватившись руками за прутья перил, а её правое колено упирается в ступеньку лестницы. Я подхватил её под руки и осторожно завёл в комнату, положил на тахту, расстегнул плащ и верхние пуговицы кофты, высвобождая грудь. Тут же вызвал скорую помощь. Лина была слаба и едва дышала. Врач, молодой парень, осмотрел её, послушал сердце, замерил давление и срочно вызвал «Кардиомобиль». Приехала специальная бригада, занимавшаяся сердечными заболеваниями, и увезла Лину в центр. Вечером её не стало. Отошла моя Линочка в мир иной.

– Это было пять месяцев назад, – произнёс он после паузы...

А перед самым моим уходом, словно спохватившись, сказал: – Юра, а ведь хорошо, что тогда тебе Шахлар не дал открыть месторождение. Эти нынешние нувориши так охочи до золота, что вмиг растащили бы. Кстати, что с Шахларом, как он там поживает?

– Нет Шахлара, – ответил я ему, – восемьдесят лет исполнилось, отметил, и умер.

– Ну, вот видишь, и, как в песне поётся, «тайну свято сохранил» для других поколений. Так что не обижайся, Юра, на него.

– Да я уже и не обижаюсь, – произнёс я.

Последняя запись Игоря Юльевича

«Линочка, прелесть моя, дивная нежная Ева! Передо мной твоя фотография. Я целую её, как только просыпаюсь. Я всё время думаю о тебе, и, глядя в твои голубые глаза с поволокой на фотке, разговариваю с тобой, как когда-то ты разговаривала с моей фотографией, ожидая меня. Разница только в том, что я-то к тебе непременно приходил, а ты ушла... навсегда.

И тяну я из памяти нить

Недалёкого пылкого прежнего...

Моя милая, кроткая, нежная,

Мне бы голову только склонить,
На колени твои склонить.

лю б и м а я...»

P. S.

ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

Ключья тумана, как отары овец, разбрелись по склонам гор, поверх этих дымообразных туманных скоплений проглядывались заснеженные вершины Тяньшаня. Была середина лета. Мы сидели на скамейке у горной речки. Деревья по берегам раскудрявились, природа по-летнему похорошела, озеленилась.

– Я выполнил твоё пожелание, Игорёша, – говорил я Игорю Юльевичу. – Я использовал твои дневниковые откровения в своём новом рассказе, а теперь, когда увидел тебя и прошло моё изумление (Ещё бы, ведь ты явился буквально с того света!), испытываю угрызения совести за то, что сделал. Теперь ты мог бы и сам написать потрясающую историю вашей любви – любви дивной Евы и отрока Адама. Пришлось, конечно, кое-что домыслить, особенно в диалогах «Он и Она», иначе не получилось бы цельного изображения ваших отношений. Говорю, а сам всё ещё не верю,

что это ты передо мной. Извиняюсь же за то, что удивительно скоро написал этот рассказ, будто спешил распрощаться с вами. Но это только усиливает мою радость от встречи с тобой..

– Да не мучай ты себя угрызениями, Юра, мы безгранично счастливы с Линой от того, что остались живы и вновь вместе, теперь уже навсегда, – утешал меня Игорь Юльевич...

* * *

В сибирском городе при медицинском институте в своё время был организован научно – исследовательский «Онкоцентр», в котором собрались медики-энтузиасты, одержимые идеей покончить, наконец, с болезнью, которая стала всеобъемлющей и беспощадно поражающей людей планеты. Двадцать лет они трудились над этим. Начинали, будучи ещё молодыми и малоопытными работниками, а теперь стали уже зрелыми людьми и прекрасными специалистами. Их труд оказался не напрасным, дело увенчалось успехом. Радиохирurgia протонного пучка тяжело заряженных частиц атома водорода стала основой уникального метода избавления от раковых образований в организме. Работы завершались. Осталось только убедиться в окончательном успехе, закрепить то, что было наработано.

Профессор Дымов, объезжая онкологические центры и хосписы, внимательно просматривал истории болезни пациентов с той целью, чтобы отобрать таких больных, которых можно, разумеется с их согласия, подвергнуть воздействию

целебных «протонов» для уничтожения рака.

По чистой случайности, а может «божественному проведению», Игорь Юльевич попал в число тех больных, которые заинтересовали Дымова. И как человек решительный и сознающий, что уже «обречён», он дал согласие на эксперимент. Его увезли в сибирский центр исследования. Подготовили и прооперировали, операция длилась чуть более получаса, причём, по его словам – «физически не ощутимая», – « Меня больше волновала психологическая подготовка к эксперименту, чем сама операция», – говорил он. И через двадцать дней восстановительного периода он почувствовал себя практически здоровым. Ещё месяц за ним амбулаторно наблюдали медицинские эскулапы центра, после чего выпустили в «большой мир» для дальнейшего «прохождения жизни», конечно же, под зорким вниманием специалистов.

Прошло ещё полгода. С Линой он мысленно распрощался, ибо был уверен в её смерти. Ведь он тогда позвонил в дежурную часть скорой помощи, а потом и в кардиоцентр, где ему чётко сказали, что пациентка по имени Лина скончалась не приходя в сознание. Игорь Юльевич смирился, и почти в то же время сам оказался в больничной постели.

Сразу же после выздоровления решил пойти в церковь и поставить свечку за упокой рабы божьей Лины как раз в годовщину её смерти.

Каково же было его удивление, когда его взгляд выделил

среди прихожан женщину, которая в числе других слушала песнопения хора и крестилась во время церковной службы. Это была Лина. Они встретились взглядами и едва не потеряли сознание. Произошло чудо, которое сделало их снова неразлучными. Оказалось, что в тот роковой день, когда «скорая помощь» увезла Лину, умерла не Лина, а «Полина», о чём и доложила по телефону Игорю Юльевичу дежурная медсестра.

А с Линой случился инсульт. Произошла острая гипоксия головного мозга. У неё отнялась правая половина тела, и она лишилась дара речи. Очень медленно она под наблюдением врачей отходила от паралича. Но постепенно кровообращение наладилось, суставы оживились, восстановилась и речь. Тогда Лина узнала, что почти одновременно с её недугом, Игорь Юльевич заболел неизлечимой болезнью, и был отправлен в хоспис...

* * *

Каждый год 19 января в день Святого Богоявления – крещения Иисуса Христа я, как и многие горожане, приходил в церковь Святых апостолов Петра и Павла за святой водой. Брал я с собой пятилитровую бутылку, хотя знал, что достаточно и малой доли освящённой в церкви воды, чтобы потом разбавить её дома с любым количестве обычной воды, и она станет равноценна той, что я принёс. Но я почему-то с привычным упорством ездил в церковь с пятилитровой бутылкой. И не удивлялся тому, что и многие верующие, подоб-

но мне, предпочитали такую же тару, а иногда были облеплены таким количеством бутылей, что казалось, их хватит не только на всю родню, но достанется ещё и соседям.

На этот раз внутри церковного двора собралось много народа, и очередь простиралась за ворота. Я занял в хвосте место и, дождавшись очередного прихожанина, решил заглянуть вовнутрь двора, чтобы оценить, как проходит процесс.

Очередь проходила быстро: внутри у служебного здания располагались два больших пятикубовых цилиндра, наполненные святой водой. Четыре служителя, открывая краны, со словами благословения проворно наполняли святой водой сосуды продвигающихся прихожан. Поодаль у крайнего крана среди скопления людей я увидел пожилую чету. В руках каждого было по небольшой бутылки, наполненной служителем святой водой. По отдельности они закрутили пробки и поставили бутылки в пакет, который оказался в руках мужчины. Женщина была в тёплом малинового цвета кардигане и вязаном розовом берете. Мужчина – в тёмно-сером полупальто и такого же цвета спортивной кепке-ушанке. Они дружелюбно поглядывали друг на друга и нежно ворковали.

Тут уж я не удержался. Терпению моему пришёл конец, я точно знал, кто этот мужчина, а уж кто рядом с ним – было неважно.

– Игорь Юльевич! – невольно повысив голос, произнёс я. – Игорь, Игорёша, ты ли это? Да, конечно же, ты. Как я рад тебя видеть! Здравствуй, дружище, здравствуйте и Вы,

спутница моего друга!

– Юра?! – изумился Игорь. – Ты тоже посещаешь церковь? Какая удача! Здравствуй, здравствуй. Знакомься, это Лина. Моя Лина.

– Лина?! – неподдельно удивился я. – Какая, однако, непредсказуемая встреча. Вот это да! Игорь и Лина – герои моей новеллы. Здравствуйте, живые прообразы моей новой книжки. Несказанно рад встрече с вами.

Я заполнил свою пятилитровую посудину, и возбуждённые мы последовали к остановке автобуса.

* * *

Игорь Юльевич и я сидим на скамейке в Президентском парке в тенёчке под голубой тяньшаньской елью. Лина неподалёку на обочине аллеи кормит тёмно-рыжую белочку, которая выскочила из сосновой рощи. Белочка доверчиво встаёт на задние лапки, получает из рук Лины кедровый орешек, отскакивает в сторону, поглощает добычу и снова возвращается к кормилице.

– Что ж, Юра, с новеллой, написанной тобой, я ознакомился, – начал беседу по существу Игорь Юльевич. – Скажу прямо: тебе, безусловно, удалось использовать мои записи и наши с Линой прообразы, хотя с Линой ты и не пересекался до недавнего времени. Теперь настала пора вспомнить латинскую сентенцию *Nabent sua fata libelli* – книги имеют свою судьбу. Не знаю, какова будет судьба твоей новеллы, но не

сомневаюсь, что мнения о ней будут самые полярные. Она не вмещается в рамки дозволенности нашего менталитета. Не привыкли наши сограждане к «расширенному» пониманию морали. Но это уже другой вопрос. Главное, я доволен тем, что мои откровения не пропали даром, и вообще ты удачно применил нашу совместную геологическую деятельность.

В парке рабочие копали ирригационные канавки для труб, которые будут поливать деревья и лужайки. Прогуливаясь по аллеям, мы остановились у открытого вольера, усыпанного дымчатого цвета камушками. В тенике молодых деревьев рассредоточилась стайка белых голубей. Все голуби, кроме одного, который ходил и выклёвывал мелкие камушки, отдыхали; прильнув к поверхности, они наслаждались солнцепёком и осенней прохладой, полузакрыв свои блестящие глазки. В сторонке от других на бордюре устроился голубок тоже белый, но в отличие от остальных, хвостовая часть у него была в виде веера, а на лапках выделялись пушистые гамашки. Все были объаты полусонной негой.

Лина вытащила из сумки кусочек хлеба и, размельчив его, стала рассыпать по вольеру. Голуби сразу оживились, стали сбегаться и клевать крошки. Кроме одного, того самого, у которого хвост был веером и на лапках пушились гамашки. Он спокойно разгуливал по вольеру. К тому же на его ножках обнаружились перьевые «ласты». – Вы посмотрите на него, какой важный красавец, знает себе цену, не то, что другие, – проговорила Лина, приманивая его кусочками хлеба...

Лина осталась у вольера, а мы присели на лавочку.

– Я перечитывал неоднократно, Игорь Юльевич, твои эротические откровения, которые ты мне передал перед хосписом, и продумывал разные варианты, как их можно использовать, – говорил я. – Признаюсь, они меня сначала обескуражили: настолько они были непривычны для восприятия. Но постепенно я проникся к судьбе пожилой пары, то есть вашей пары, да так, что мне стало казаться, что именно такой и должна быть взаимность, по-настоящему чувствующих друг друга, и любящих людей. В конце концов, я решил написать всё, как было в твоём первоисточнике, так что твою рукопись я использовал сполна. А чтобы всё увязать с жизнью, я начал рассказ с нашего знакомства с тобой в бригаде бурового мастера Шахлара. И соединил достоверные производственные отношения с твоими личными. Правда, пришлось кое-что дофантазировать. Не знаю, понравилось тебе это или нет. Но уж как вышло, не обессудь.

– Получилось убедительно, Юра, не сомневайся, а главное, всё, что было мною описано, нашло отражение, а ведь я хотел сжечь рукопись. Но, как говорит мудрость, «рукописи не горят».

– И, тем не менее, Юра, – усилил интонацию Игорь, – я теперь думаю, не подставил ли я тебя своими «записями» под удар. Ведь твоя новелла может читателем восприниматься недоброжелательно. Твой герой, да и героиня тоже – поборники «чистой духовно-плотской любви», как сказано в моих

«записях», – ласкают друг друга без всяких ограничений и без стеснения. Таковы их «интимные» отношения, которые могут быть у всех разные. Но мораль-то общепринятая вовсе не такая. По общепринятым правилам ты должен целовать свою избранницу только в губы, и сексом заниматься только в семейной постели, а не где-зря без всяких правил.

– Судить, конечно, будут жёстко. И скорее всего за то, что всё выставлено напоказ, чего допускать «не можно», – грустно ответил я. – Но именно этой стороной меня и заинтересовал ваш дуэт с Линой. Захотелось раздвинуть пределы закошенной морали, раскрыть и легализовать ваш «интим». Но, когда я закончил новеллу «Дивная Ева и отрок Адам», то перечитывал её неоднократно, испытывая самые разные чувства.

Помню, после первого прочтения интимные любовные отношения вызвали во мне негодование, внутренний протест – так всё было непривычно, по-литературному непривычно. Второе прочтение заставило меня серьёзно размышлять о возможных физиологических проявлениях любви, тогда наступил момент осмысления всего, что происходило в новелле. А далее всё стало восприниматься, как вполне естественное и обычное. «Эти два старца, – пришёл к выводу я, – они же любят друг друга, хотя и своеобразно, но по-настоящему. Они восхищаются и любят друг другом. А ведь это и есть истинная любовь! Они уже не могут, как молодые предаваться сексу, но хотят, и стараются не глушить в себе это

чувство, а познавать его и далее, тем самым, не позволяя за-
тухать плоти. Чего стеснятся-то, и кого: «Так будем же вза-
имно открыто жить, и наслаждаться, – кричат их души. – От
этого произойдёт в нас возрождение, а не увядание.

– Интересно, интересно, – проговорил Игорь Юльевич –
виновник моих новых восприятий любви.

Но я уже не мог остановиться и продолжал:

– «А как же отнесутся к рассказу мои близкие и знако-
мые?» – вдруг подумал я.

В общем, я сомневался: не хотел прослыть поборником
«извращенцев», именно так они могли воспринять отноше-
ния моих героев – Игоря с Линой. Тогда я решил дать для
прочтения рукопись новеллы своей дочери, тем более, что
она была всегда первым судьёй и рецензентом моих преды-
дущих литературных творений. «Лучше уж я приму, – думал
я, – суровые осуждения от неё, чем от кого-либо посторон-
него, тем более, что строже чем она, меня никто и не осу-
дит, уж я-то знаю». И я отдал рукопись для ознакомления
своей дочери, а сам в ожидании результата, уже грустил о
своих литературных героях, которые в конце новеллы умирают.
«Вот, – рассуждал я, – говорят, что любовь побеждает
всё, а они, уже дорогие моему сердцу «развратники», ушли
в мир иной. Ушли, и как говорить, не вернулись». К тому
времени я уже дважды ходил в церковь и ставил свечки «за
упокоем рабов божиих Игоря и Лины».

– И вот я встретился с дочерью, – продолжил рассказ я, –

и при встрече смущённо проговорил: «Думаю, ты не совершила оплошность и не показала мой последний опус дочерям своим – моим внучкам?»

– О, ты напрасно на этот счёт, как говорят нынешние молодые люди, «паришься». Ведь они уже совершеннолетние и их мало чем можно удивить. Кстати, – продолжила она, – я своим студентам сказала так: «Недавно я прочла интересную новеллу, и у меня возникла мысль сказать вам следующее: – Каждое поколение должно уважать себя. Обычно старики говорят молодым: «Что вы можете знать о жизни, ведь вы ещё так молоды», а о стариках люди говорят: «Да ведь они уже отжили своё, что у них может быть интересного в настоящий момент». Так вот, я вам говорю: «Уважайте чувства любого возраста, и свои, конечно, тоже. В новелле я встретила с необыкновенной любовью пожилых людей, оказывается, у них бывают такие страсти, что позавидуют многие молодые». – А тебе говорю, – обратилась она ко мне, – сейчас мало кого удивишь всевозможными эротическими всплесками. Помни, что во время язычества эротические чувства людей были предельно раскрепощены. Особенно это проявлялось в дни Ивана Купалы. Это хорошо показано в кинофильме Тарковского «Андрей Рублёв». И сейчас, по-моему, происходит возврат утраченных языческих амурных проявлений. Поэтому пиши смелее. Это же не педофилия, и не однополая сексомания. Это интимные взаимоотношения двух очень любящих друг друга людей. А чувства у влюблённых

выражаются по-разному.

– Что ж, – облегчённо вздохнул я, – очень рад, что ты так отнеслась к моим героям. Ты вселила в меня уверенность, ведь я не мог решиться издать эту эротическую новеллу.

И всё-таки я опубликую её с пометкой «60+», пусть читают люди преклонного возраста, при этом попытаюсь оградить себя от респондентов, чрезмерно зашоренных гранями мнимой нравственности.

* * *

– Ладно, Юра, важно то, что новелла состоялась, – сказал Игорь, – тебе удалось удачно использовать мои записи и наши прообразы. А как она будет воспринята окружающими, покажет время. Мне кажется, всё станет на свои места – границы дозволенного расширятся. Ведь любовь – это тайна, вечная тайна и должна проявляться по-разному.

– Интересно, какие теперь у вас отношения? – поинтересовался я у Игоря Юльевича. – Такие же страстные и непредсказуемые?

– Да нет, Юра, они другие. Но отражают те же непреходящие, вернее не проходящие отношения взаимного тяготения. Мы теперь просто оберегаем друг друга.

Но наши даже мгновенные лёгкие прикосновения наполнены чувствами большой привязанности и любви. Мы целуем друг другу руки, гладимся, прикасаемся и, конечно же, целуемся в губы. При любой возможности шаловливо трогаем заветные места и игриво похлопываем друг друга. Это

в нас осталось. Просто боимся накалять страсти. Болезни предостерегают. Меня же удивляет другое – на днях, я зашёл в комнату и вижу: сидит на кровати среди белых простыней седовласая, уже изрядно постаревшая моя Лина. И я вдруг вспомнил. Подобную сценку я уже когда-то видел. Это был рисунок моего армейского друга Валеры Лебедева «Дряхлеющая старость». Неужели это была моя Лина? Там точно такая же старушка сидит на кровати среди белых простыней. Её полуулыбка и взгляд выражают затаённые неведомые думы. Это же было предсказание. Её полуулыбка тогда меня поразила и смутила своей древностью. И только теперь я понял, что это она такая только для постороннего взгляда, но не для меня. Ведь я люблю этого человека, и даже «желаю». Вот это парадокс. Эта увядающая старость не смущает и не пугает меня сейчас. Эта бабуля, уже моя бабуля, умиляет меня и притягивает, словно магнит. И я понимаю теперь, что любовь – это не внешняя красота, а какая-то загадочная внутренняя энергия, неистово зовущая к себе.

Мы вышли из Президентского парка и спустились к реке. Небесный купол был, хотя и в слегка заметной дымке, но совершенно безоблачен. А ведь только вчера тучи гуляли по небу и осыпали дождём эту землю. С некоторых пор посетители речки определились в своих занятиях. Раньше их эмоцион ограничивался либо ходьбой медленным и быстрым шагом, либо ускоренным бегом, а то и просто задирианием ног на перила оградки, а сейчас, когда по обе стороны речки

появились спортивные снаряды – каждый занимался целеустремлённо. Появились и другие, которые сосредоточились на «скандинавской ходьбе» с палками, чему их обучал тут же на террасе инструктор. Обычно эти люди очень серьёзные, ведь их ходьба получила заданный смысл. Теперь при передвижении они сознательно налегают на ту палку, которая противоположна выдвигаемой вперёд ноге. Движения их рук и ног должны быть предельно скоординированы.

Однако вопреки всему одна женщина шла вниз по течению реки без палок и упорно хлопала себя ладонями по талии, которой давно нет, но которую хочется восстановить. Хлопает и хлопает в надежде, что живот ужмётся сам по себе без диеты.

Когда Лина отошла от нас и стала осваивать посильные ей упражнения на спортивных снарядах, Игорь Юльевич заговорил со мной более доверчиво.

– Перед тобой я должен теперь быть предельно откровенным, ведь ты не только прочёл мои записи, но и воплотил их в новеллу. И я обязан тебе поведать всё, как есть у нас в настоящее время. Её бёдра выше колен по-прежнему волнуют меня, особенно с внутренней стороны. Я ласкаю их руками и целую. Мне это нравится. Она же обожает моего «стригуна», играет с ним, балуется, и обращается к нему как к своему озорному шалунишке: «Что затих, мой неугомонный дружок? Сейчас я тебя растревожу, – воркует она. – Нельзя тебе дремать, как нельзя и твоей подружке-«чернильни-

це» поживать на лаврах. Вам обоим непременно надо быть в возбуждении, иначе наша жизнь остановится. Ведь вы центры нашего «оживления», от вас начинается игра кровообращения, заставляя организм жить, заводиться и пульсировать, пробуждая клетки». Она целует и нежит моего «шалуна», а я ласкаю её «розочку», углубляясь внутрь её влажной благодати.

– И всё-таки мы избегаем сильных волнений, – продолжил он, переходя на ещё более доверительный тон. – Последний раз, когда с её помощью я завершал оргазм по-настоящему, то не мог не стонать, да так, что мои вопли были такими не предсказуемыми, не поддающимися регулированию, что она не на шутку забеспокоилась – не услышат ли нас соседи. Такими страстными были мои завывания и резкие вскрики, что просто вызвали тревогу – не остановилось бы моё сердце в процессе слияния.

Мы просто стали бояться, как бы не умереть в объятиях друг друга. Это было очень здорово. Но состояние нашего здоровья становится опасным. Лина тоже так заходила в истоме, когда я нежил её гениталии, что мы просто прекратили заводиться друг друга до неистовства. И ведь главное заключалось в том, что во всех моих прошлых забавах, мне не было так чудесно. Будто я до этого момента не познал самого главного человеческого наслаждения. Мы стали избегать ярких вспышек. Зато поняли, как удовлетворённая страсть скрашивает жизнь, а без этого она была бы тусклой. Мы ра-

дуемся, что на старости лет судьба свела нас, а природа подарила такой заряд чувств, благодаря которому мы счастливы. Мы можем постоянно ласкать друг друга и воспламеняться от ласки, доходить до святого экстаза, после которого наступает благодатное успокоение, а затем зарождается новая волна радости духа и вожеления. Какое счастье быть страстно любимыми.

... Прогулка подошла к завершению. Дальше наши пути разошлись: Игорь и Лина направились вниз по руслу, а я вверх, к плотине. Но через несколько шагов остановился и, опершись на перила, стал смотреть им вслед: они медленно удалялись по тротуару, выложенному квадратной плиткой, в сторону моста. На Игоре были светлые летние брюки и рубашка с коротким рукавом, на голове бейсболка. Бамбуковая палочка, на которую опиралась Лина, мешала им держаться за руки. На ней выделялась разноцветная в цветочек шляпка, одета она была в лёгкую светло-серую юбку свободного покроя и клетчатую кофту. На боку висела перекинутая через плечо матерчатая сумка. Они почти ничего не говорили, но с первого взгляда было понятно, что между ними царит гармония и согласие.

Подойдя к мосту, который возвышался в виде широкой трубы, перекинутой через русло, с приспособленным на ней настилом и перилами, они присели на скамейку, решив передохнуть, подышать свежим воздухом и послушать шум воды. Там, у моста они долго сидели, согреваясь на солнышке.

Был один из первых дней осени, когда только наступала прохлада, и было хорошо находиться на солнцепёке в затишье, когда ветерок играл листьями деревьев где-то в сторонке, и умиротворение согревало душу.

Потом они поднялись и медленно пошли к «Бунгало», затем остановились и, опершись на прибрежные перила, смотрели на воду, которая в этот день была чистой и голубоватой. Вода, падая зеркальными струями с каскадов, своим ритмично-монотонным шумом погружала в задумчивость. Солнце от каскадов, покрытых водой, отражалось яркими параллельными линиями, сияющими поперёк потока реки...

Потом они пошли дальше, а я, глядя им в след, вспомнил латинское изречение *Magna res est amor* – великое чудо Любовь. Именно они воплощают эту Любовь.